

Российская ассоциация
международных исследований (РАМИ)

Материалы
VII Конвента РАМИ

МИРОВАЯ ЭНЕРГЕТИКА:

воздействие кризиса

28–29 сентября 2012 г.
МГИМО-Университет


АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2013

Издательство
«МГИМО-Университет»
Москва
2013

УДК 327
ББК 66.4
М64

Мировая энергетика: воздействие кризиса (Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.): Научное издание / Под ред. В. И. Салыгина, Н. А. Симония. — ЗАО Издательство «Аспект Пресс», Издательство «МГИМО-Университет», 2013. — 76 с.

ISBN 978–5–7567–0711–3

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных участниками секции «Мировая энергетика: воздействие кризиса», которая состоялась в рамках VII Конвента РАМИ 29 сентября 2012 г. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе секции.

УДК 327
ББК 66.4

РАМИ не несет ответственность за содержание статей. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ. Со всеми материалами VII Конвента можно ознакомиться на сайте Ассоциации www.risa.ru.

ISBN 978–5–7567–0711–3

© МГИМО (У) МИД России, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
<i>А. К. Криворотов. Нефтегазовые ресурсы России как экономический «локомотив» модернизации</i>	6
<i>А. Л. Бирюков, Т. Л. Савостова. Энергетическая эффективность ТЭК России</i>	22
<i>О. А. Тимофеев. Китайско-американские механизмы сотрудничества в области энергетики: современное состояние и влияние на перспективы отношений между Россией и КНР</i>	30
<i>В. М. Красногорский. Международное энергетическое сотрудничество и энергетическая безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе</i>	43
<i>Н. К. Семенова. Восточный вектор энергетической стратегии России на постсоветском пространстве: региональные политические риски и внерегиональные факторы безопасности</i>	48
<i>Е. А. Сидорова. Особенности энергетического комплекса Бразилии</i>	67
Об авторах	76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает тексты докладов, с которыми выступили участники заседания секции по энергетике VII Конвента Российской ассоциации международных исследований. Большинство докладов касается актуальных проблем развития энергетического сектора Российской Федерации, а также влияния внешних факторов на состояние российской энергетики и отечественной экономики в целом.

Ведь до сих пор в России идут жаркие дискуссии о роли энергетического сектора в модернизации общества. Один из представленных в сборнике докладов выступает с обоснованным тезисом о роли энергетики в качестве «драйвера» процесса модернизации страны.

В сборнике затрагивается одна из ключевых российских проблем — энергоэффективности и энергопотребления. За счет решения этой проблемы можно добиться значительной экономии наших ценных природных ресурсов и устранить ту противоречивость, которая сегодня существует между огромным потенциалом этих ресурсов и дефицитом в сфере народно-хозяйственного потребления.

Важна также и проблема сбалансированного энергетического сотрудничества России с зарубежными странами. Исторически сложившаяся односторонняя ориентация на Запад маршрутов экспорта наших ресурсов — нефти, газа, угля и связанная с этим сильная зависимость от Европы создают немало трудностей на пути ускоренной модернизации. Поэтому наметившийся в последние годы поворот на Восток должен благотворно повлиять на дальнейшее развитие нашей страны: во-первых, произойдет освоение богатейших природных ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, что будет способствовать предотвращению демографической катастрофы; во-вторых, ускорит процесс интеграции России в мировую экономику через Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) с учетом того, что в настоящее время АТР является наиболее динамично развивающимся регионом мира.

Не один десяток лет наиболее авторитетные эксперты и практически все международные организации утверждают, что крупных нефтяных месторождений не осталось, все уже открыты. Прогнозы в основном касаются сроков истощения нефти и газа. Различаются мнения в

Предисловие

основном относительно наступления «пика» мировой добычи. Однако природа преподнесла сюрприз — огромное нефтегазовое месторождение под соляным куполом у побережья Бразилии. Теперь некоторые ученые, изучающие геологическую структуру восточного побережья и опирающиеся на теорию разрыва его с западным побережьем Африки, предсказывают новые открытия в нефтегазовой сфере. Работа, посвященная Бразилии, таким образом, закономерно завершает наш сборник, подтверждая ту мысль, что еще рано списывать со счетов углеводородные ресурсы мира.

Член-корреспондент РАН *В. И. Салыгин*,
академик РАН *Н. А. Симония*

НЕФТЕГАЗОВЫЕ РЕСУРСЫ РОССИИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ «ЛОКОМОТИВ» МОДЕРНИЗАЦИИ

Тема VII Конвента РАМИ определена как «Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста». Данная проблема представляется в высшей степени актуальной, и в особенности применительно к нашей секции по энергетике. Сильные позиции России в топливно-энергетическом комплексе в настоящее время являются одним из ее весьма немногочисленных конкурентных преимуществ, всемерное использование которых для вывода российской экономики и общества из кризиса — задача даже не национального престижа, а среднесрочного полноценного выживания в жестком глобализованном мире. Настоящая статья посвящена оценке возникающих в этой связи, с одной стороны, потенциальных возможностей и проблем их реализации; с другой стороны — некоторых, как представляется, существенных рисков.

Начать, очевидно, следует с текущих потребностей. Отечественный ТЭК, обеспечивая России 70% товарного экспорта и порядка 60% бюджетных поступлений, не только повышает ее международное влияние, создавая благоприятный внешнеполитический климат модернизации, но и поставляет один из важнейших ресурсов последней — финансовый.

Насущно назревшая модернизация экономики и общества является, помимо прочего, крайне затратным процессом. Создание качественно новых производств и техническое перевооружение действующих, подготовка и переподготовка кадров, развертывание новой промышленной и социальной инфраструктуры — все это требует колоссальных инвестиций. Особенно в нынешней России, где износ производственных фондов в большинстве отраслей превысил 80–90%.

В ходе предыдущего модернизационного витка нашей истории — индустриализации эпохи первых пятилеток — источниками финансирования послужили, как известно, сельское хозяйство, «добровольные займы» у населения и массовый принудительный труд. Имеющие-

ся у современной России «нефтедоллары» позволяют избежать таких жертв. Идеальная модель здесь представляется достаточно простой и эффективной:

- энергетические компании, налаживая собственную переработку сырья и размещая заказы у отечественных поставщиков, формируют конкурентоспособный межотраслевой кластер (машиностроение, химия, услуги нефтегазового сервиса, транспорт, прикладная наука, профильное образование и др.);
- государство, улавливая «нефтяные» налоги и перераспределяя их через госбюджет, способствует подъему остальных, не связанных с ТЭК, отраслей, включая непроизводственную сферу.

Однако практическому срабатыванию данной модели препятствует паразитический механизм употребления «нефтедолларов» и олигархами, и государством. Суть его в том, чтобы пустить часть денег на потребление (нередко непроизводительное), а остальное поместить за рубеж — соответственно на офшорные счета или в Стабфонд.

Как представляется, главная причина такой ситуации — в отсутствии четкого целеполагания, прежде всего в государственной политике. От сырьевых олигархов (учитывая обстоятельства обретения ими собственности) долгосрочной конструктивной работы без государственного принуждения ожидать не приходится.

Однако и само российское государство не демонстрирует четкого системного видения ни желаемого состояния общества, ни необходимых для этого шагов. В этом случае, очевидно, действительно существует риск пресловутого «ресурсного проклятия»: наличие свободных денег есть не зло, а благо — но лишь для тех, кто знает, на что и как их тратить. Принятая в стране монетаристская модель использования нефтяных доходов путем вложения основной их части в зарубежные низкодходные ценные бумаги представляется глубоко не адекватной социально-экономической ситуации в России, страдающей от серьезной нехватки инвестиций. Любопытно, что монетаристы сами вполне откровенно называют такую политику «стерилизацией» нефтедолларов, т.е. обречением их на неплодотворное, непроизводительное использование.

В результате в современной России реальный подъем наблюдается не в перспективных «отраслях будущего» и даже не в самом ТЭКе, а в обслуживании потребительского рынка — оптовой и розничной

торговле, строительстве, связи, финансовом и риэлторском посредничестве (табл. 1). Причем развитие услуг связи, по ощущениям, в наибольшей степени стимулирует непродуктивная мода молодежи на мобильные интернет-развлечения.

Очевидно, без выработки четкой, эшелонированной государственной стратегии модернизации, включая отказ от монетаристских догм и формирование нюансированной промышленной и региональной политики (особенно для районов нового освоения), перелом ситуации невозможен. ТЭК и далее будет локомотивом, не «впряженным» в решение крупных национальных задач. Ситуацию дополнительно усугубляют масштабные меры экономической политики, предпринимаемые без детального обсуждения и оценки возникающих системных рисков. Это уже проведенные дезинтеграция электроэнергетики и вступление в ВТО, а также планируемая на ближайшие годы ускоренная приватизация остатков ТЭКа и предприятий ВПК.

Таблица 1

**Индексы физического объема основных компонентов ВВП, 2011 г.
(2003 г. = 100)**

Отрасль	Индекс	Отрасль	Индекс
ВВП в целом	141,51	Производство автомобилей	151,40
Сельское хозяйство	118,89	Строительство и ремонт судов	48,51
Лесное хозяйство	89,90	Строительство	159,53
Рыболовство	92,00	Торговля автотранспортом, его обслуживание и ремонт	230,23
Добыча угля	126,42	Оптовая торговля (кроме автотранспортных средств)	179,14
Добыча нефти и газа	113,10	Розничная торговля (кроме автотранспортных средств)	161,35
Добыча урановой руды	110,11	Деятельность транспорта	118,11
Производство кокса и нефтепродуктов	155,38	Связь	232,28
Электроэнергетика	113,84	Финансовое посредничество	423,78
Пищевая промышленность	130,60	Операции с недвижимостью	225,23
Текстильное производство	55,63		
Производство одежды	82,86		
Деревообработка	121,44		

Окончание табл. 1

Отрасль	Индекс	Отрасль	Индекс
Производство целлюлозы и бумаги	140,61	НИОКР	144,87
Химическое производство	135,52	Образование	86,64
Металлургия	106,75	Здравоохранение, оказание социальных услуг	101,23
Машиностроение	109,40	Производство и прокат кинофильмов, радио и ТВ	146,44
Производство электрических машин и электрооборудования	107,33	Прочая деятельность в сфере культуры	86,98
Электронные компоненты, теле- и радиоаппаратура	86,31	Персональные услуги	199,44
Производство летательных аппаратов, в том числе космических	96,06		

Рассчитано по данным Росстата. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/account/#>.

Еще одним осложняющим фактором стал глобальный финансово-экономический кризис, воздействию которого на энергетику и посвящена данная секция Конвента. Строго говоря, общеэкономические потрясения имели для мирового ТЭКа ограниченный эффект. Цены на нефть, быстро упавшие с рекордных 146 долл. США за баррель до 27, очень скоро вернулись в коридор 80–110 долл., невиданный до начала войны США в Ираке 2003 г. Страны-производители и экспортеры нефти переживают мировой кризис существенно лучше своих соседей.

В этой связи следует отметить, что американские политики, включая президента Б. Обаму, в раскручивании нефтяных цен жестко обвиняли спекулянтов, «перегревших» товарно-сырьевые биржи. Однако столь завидная стабильность нефтяных цен (даже в условиях кризиса и борьбы со спекуляцией) заставляет предположить, что либо возник новый, высокий фундаментальный ценовой уровень, либо спекуляция все же сохранена для решения задач более высокого порядка — таких, как сдерживание Китая.

В то же время мировой ТЭК, в целом благополучно пройдя общеэкономический кризис, переживает глубокую трансформацию в ре-

зультате структурных изменений, дополнительно подстегнутых отдельными потрясениями. В их числе:

- активизация борьбы за снижение выбросов CO_2 в атмосферу, включая широкий перевод автотранспорта на электрическую, водородную или гибридную тягу;
- «сланцевая революция», за несколько лет превратившая США из крупнейшего импортера природного газа в его потенциального экспортера (с сопутствующими эффектами для европейского и японского рынков);
- промышленная и последовавшая экологическая катастрофа в Мексиканском заливе, в результате чего повсеместно ужесточен режим шельфовых операций;
- авария на японской АЭС «Фукусима», значительно осложнившая перспективы развития мировой атомной энергетики.

При всей разноплановости этих явлений (по экономическому содержанию и временному горизонту) в их природе есть ряд характерных общих черт. Это масштабность, динамичность, тесная связь отраслевых, макроэкономических и политических аспектов, выпукло проявившиеся «фиаско рынка» и, к чести руководителей Запада, — достаточно оперативная и системная политическая реакция.

Для примера рассмотрим катастрофу в Мексиканском заливе. Она разразилась 20 апреля 2010 г. на буровой платформе «Дипуотер Хорайзон», принадлежавшей крупной сервисной компании «Трансоушен» и находившейся в аренде у «Би-Пи», бурившей скважину с привлечением ведущего мирового подрядчика «Халлибертон». В процессе бурения произошел аварийный выброс нефти, повлекший за собой пожар и затопление платформы с гибелью одиннадцати человек на борту. В последующие месяцы из аварийной скважины «Макондо» практически непрерывно фонтанировала нефть. Часть ее достигла поверхности, сформировав нефтяное пятно размером более чем с половину Московской области; другая часть, как оказалось, осела в толще морской воды. Для глушения «Макондо» и сбора нефти на поверхности моря использовались многочисленные методы, показавшие свою неэффективность (отчасти из-за грубых небрежностей, допущенных в ходе бурения). Прочно заглушить скважину удалось лишь к началу октября 2010 г. За это время в море в общей сложности вытекло примерно 4,9 млн барр. (670 тыс. т) нефти, вызвав крупнейшую в истории США экологическую

катастрофу, метко нареченную «американским Чернобылем». Фирмы-виновницы уже согласились выплатить в виде компенсации и штрафов свыше 50 млрд долл. США (табл. 2).

В катастрофе, как часто бывает и в России, поспешили обвинить конструктивные недостатки платформы, а прежде всего сам погибший экипаж. Однако даже первичное ознакомление специалистов с обстоятельствами происшествия обнажило целый шлейф более глубоких проблем, столь же хорошо известных и в отечественной практике. Это систематические нарушения норм безопасности со стороны нефтяников и их подрядчиков, «трепетное отношение» к нуждам нефтяного лобби со стороны федеральных властей, попустительство и коррупция надзорных органов. Общий вывод официальной комиссии по расследованию прозвучал весьма жестко: «аварийный выброс нефти на «Макондо» стал результатом целого ряда отдельных неверных и халатных действий со стороны «Би-Пи», «Халлибертон» и «Трансоушен», для предотвращения которых у государственных регуляторов не было полномочий, необходимых ресурсов и технической квалификации»¹.

Таблица 2

**Выплаты нефтяных компаний в связи с экологической катастрофой
в Мексиканском заливе**

Компания	Назначение платежа	Сумма, млрд долл. США
«Би-Пи»	Меры по ликвидации катастрофы	14
«Би-Пи»	Восстановление природной среды Мексиканского залива, рекультивация берегов	Свыше 22
«Би-Пи»	Компенсация убытков частным лицам, компаниям и государственным учреждениям	8,1
«Би-Пи»	Урегулирование судебных исков с Комитетом истцов	7,8
«Трансоушен»	Штрафы за нарушение Закона о чистой воде (уголовно-правовая ответственность)	0,4
Четыре дочерних компании «Трансоушен»	Штрафы за нарушение Закона о чистой воде (гражданско-правовая ответственность)	1

Составлено по: *Dittrick P.* BP agrees to pay \$7.8 billion in Macondo settlements // *Oil & Gas Journal*. 2012. April 30, 2012. P. 18–19; *Dittrick P.* Transocean to pay \$1.4 billion in fines for Macondo blowout, spill // *Oil & Gas Journal*. 2013. January 7. P. 20–21.

Примечательно, что катастрофа случилась у «Би-Пи» — одной из крупнейших в мире нефтегазовых компаний. Американские аналитики отмечают, что тем самым нанесен очередной удар по репутации крупного нефтяного бизнеса, который позиционирует себя как социально ответственный, законопослушный, образцово организованный и вооруженный самыми передовыми технологиями. Несколько лет назад скандальное банкротство «Энрон» подорвало доверие общественности к финансовой деятельности нефтяных гигантов. Нынешняя катастрофа столь же негативно сказалась на их экологическом имидже (точно так же, как цунами, разрушившее «Фукусиму», — на восприятии ядерной энергетики мировой общественностью, только пришедшей в себя от «чернобыльского синдрома»).

Естественной реакцией властей стало ужесточение режима операций на шельфе. Меры, принимаемые правительствами различных стран, сходны: профилактика аварий на всех стадиях работ (сейсмика, бурение, эксплуатация), пересмотр правил ведения шельфовых операций, ужесточение надзора за их соблюдением и усиление наказаний виновников. В США, например, введен хорошо знакомый нам режим персональной ответственности: директор буровой компании должен лично расписаться в гарантийном письме, удостоверяющем, что компания соответствует всем предъявляемым требованиям («со всеми вытекающими последствиями» в случае обнаружения нарушений). Бывшая Служба по управлению минеральными ресурсами, попавшаяся на коррупции и непрофессионализме, была расформирована. Ее функции переданы новой организации — Бюро по экологии, управлению и исследованиям ресурсов шельфа, где на первое место поставлены задачи не разработки, а сохранения среды моря.

Тем не менее даже в свете этой невиданной катастрофы полного запрета шельфовых операций не произошло. Полугодичный мораторий на глубоководное бурение в Мексиканском заливе, введенный администрацией США 12 июля 2010 г., попал под массированную атаку губернаторов и конгрессменов прибрежных штатов. Независимо от партийной принадлежности они были равно озабочены угрозой потери тысяч рабочих мест и перебуксировки буровых платформ в другие бассейны. В итоге запрет был отменен спустя всего три месяца, 12 октября (правда, компании обязали по новой подавать заявки на бурение, чтобы госорганы могли убедиться в соблюдении ими новых, более строгих норм)².

Отдельного рассказа заслуживает массовая добыча природного газа из сланцевых пластов, которая началась в США в 2008 г. и пока остается преимущественно американским феноменом. Этот процесс получил вполне заслуженное название «сланцевой революции»: всего за четыре года Соединенные Штаты, ранее крупнейший мировой импортер энергоносителей, самообеспечились природным газом по ценам 2002 г. (времен «дешевой нефти», см. рис. 1) и планируют его экспорт. В силу эндемичного характера этого процесса США получили одностороннее конкурентное преимущество, позволяющее эффективнее выводить национальную промышленность из кризиса.

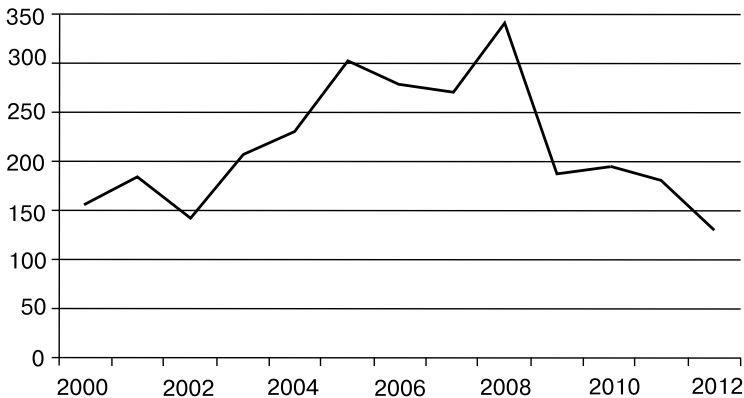


Рис. 1. Цены на природный газ для промышленных потребителей на внутреннем рынке США, долл. за 1 тыс. куб. м

Составлено и рассчитано по данным Управления энергетической информации США. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eia.gov/dnav/ng/hist/n3035us3M.htm>. Цены за 2012 г. — средние за январь–октябрь.

Подлинные истоки, глубина и перспективы «сланцевой революции» служат предметом серьезной полемики и в России, и за рубежом. По мнению автора, реалистичными представляются три версии, каждую из которых можно проиллюстрировать аналогиями из американской же практики.

Первая — сланцевая подотрасль действительно сложилась «всерьез и надолго». Причины того, что она пробилась себе дорогу так неожиданно, связаны с косностью и бюрократизмом американских нефтегазовых ТНК, отвернувшихся от прогрессивных технологий. Именно поэтому

«сланцевую революцию» начали не крупные монополии (действительно проявляющие, особенно в консервативных сырьевых отраслях, тенденцию к «загниванию»), а небольшие технологичные компании. Исторических примеров такого рода немало. Напомним принципиальный отказ «Ай-би-эм» в 1980-х годах заниматься персональными компьютерами, а производителей аудиоаппаратуры США — внедрять американский же патент на переносной магнитофон с наушниками (в конечном итоге это сделала японская «Сони», породив «эпоху плееров»).

Вторая версия. «Сланцевая революция» — не более чем кратковременный «мыльный пузырь», надутый биржевыми спекулянтами под воздействием опытных манипуляторов, грамотно подающих информацию на рынок. Цель организаторов этой кампании заключалась в том, чтобы привлечь свободные средства частных инвесторов в разработку новых нефтегазовых технологий, одновременно ослабив инфляционное давление на экономику. В качестве близкой аналогии можно назвать бурный рост интернет-компаний во второй половине 1990-х годов. В результате этого умело раздутого бума³ в отрасль пришло, по оценкам, около 2 трлн долл. США, которые частично подстегнули технологический рывок Америки, а частично просто «сгорели» после обвала индекса *Nasdaq*.

Третья версия. «Сланцевая революция» — опять же конспирологическая операция, но существенно более высокого уровня. Напомним, что в 2003 г. Министерство энергетики США обнародовало прогноз, согласно которому потребление природного газа в стране будет и далее уверенно расти, а его наличные ресурсы (собственное производство плюс импорт по трубопроводам из Канады и по действующим контрактам на поставку сжиженного газа) пойдут вниз. В итоге уже с 2007 г. на внутреннем рынке США ожидался мощный и все нарастающий дефицит газа.

Данный прогноз имел очень серьезный эффект. С ориентацией на поставки в США лишь за несколько лет были разработаны и частично реализованы планы строительства по всему миру десятков новых заводов и линий по производству сжиженного природного газа (СПГ), а на американском побережье — приемных терминалов для него. Теперь же, во-первых, эти мощности оказались во многом обесценены в результате «сланцевой революции». Во-вторых, даже если она окажется недолгой и США придется вновь импортировать СПГ, то уже в значительно

меньших объемах и в обстановке намного более жесткой конкуренции производителей, чем десятилетие назад. Тем самым американское руководство существенно укрепило собственную энергетическую безопасность, а заодно и ослабило глобальные позиции экспортеров газа. Эта версия, однако, предполагает наличие крайне серьезных «кукловодов», для которых даже миллиардные вложения собственных нефтяников в инфраструктуру СПГ были вполне допустимыми потерями.

В любом случае, однако, анализ «сланцевой революции» позволяет сделать несколько выводов для России. Прежде всего необходимо признать, что это крайне значимое для нашего ТЭКа (и не только) событие было, по сути, пропущено, не учтено в энергетической и экспортной политике. Причем имеется реальный риск, что аналогичное потрясение постигнет и мировой нефтяной рынок. Дело в том, что инвестиционная привлекательность газовых сланцевых промыслов в США резко упала вследствие удешевления газа, и инвесторы сейчас активно изыскивают возможности применения данных технологий в нефтяной промышленности. Успех этих усилий в случае его недоучета Россией имел бы для нас уже обвалыные последствия: в силу глобального характера нефтяной торговли снижение цен на нее внутри США немедленно скажется по всему миру.

Особенно досадно, что, по заявлениям представителей МИД России и научного сообщества, они уже на ранней стадии сланцевого переворота предупреждали о нем политическое руководство. Аналогичная ситуация сложилась с целым рядом крупных внешних вызовов российскому ТЭКу. Это, в частности, все более глубокий «разворот» стран Центральной Азии в сторону Китая, а также альтернативных (вокруг России) маршрутов доставки углеводородов в Центральную Европу; существенное ужесточение правоприменительной практики ЕС по «третьему энергетическому пакету»; появление, буквально за несколько лет, новых нефтегазодобывающих провинций — бразильское глубоководье, шельфы Восточной Африки и Северной Австралии и др.

Речь идет, таким образом, о недостаточно эффективном взаимодействии государства и бизнеса, из-за чего страдает не только целеполагание, но даже прогнозирование обстановки. При этом, как хорошо видно на примерах той же «сланцевой революции» или катастрофы в Мексиканском заливе, причины и эффекты крупных потрясений

энергетического рынка имеют не чисто экономическую природу. А потому реакция на них (не говоря уже об активных запуске и управлении такими процессами) требует более чем тесной координации политических и деловых элит. В противном случае и те и другие, продолжая действовать разрозненно и по устоявшимся шаблонам, без учета меняющейся картины мировой энергетики, рискуют утратить значительную часть имеющегося потенциала.

Следует, однако, оговориться, что оценка этого потенциала также требует реализма. Современная роль России в мировой энергетике с вытекающими эффектами для мировой политики достаточно разноплановая: это ведущий поставщик углеводородов, преимущественно на европейский рынок, и услуг в области атомной энергетики, транзитер среднеазиатских нефти и газа, крупный потребитель (увы, не более) нефтегазовых технологий.

К сожалению, активное присутствие России на энергетическом рынке все более воспринимается окружающими странами не как фактор укрепления их энергетической безопасности, а как риск, требующий минимизации. На уровне практической корпоративной и государственной политики это выливается в широкий комплекс мер по ограничению присутствия России на рынках. На уровне публичной политики — в постоянные кампании по обвинению страны в «ресурсном национализме», «использовании энергетического оружия» и т.д. Это, безусловно, вопрос имиджа и собственно российских компаний, и страны в целом — тем более что данные «нефтегазовые» пиар-кампании перемежаются с мероприятиями общего плана, направленными на подрыв репутации России в мире.

Российские представители на всех уровнях, очевидно, часто недоучитывают этот фактор либо не принимают адекватных мер по его устранению. Результатом становится широкий шлейф последствий — таких как строительство нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан и ряда газопроводов из стран Центральной Азии «мимо России» (в Иран, Китай, потенциально в Пакистан через Афганистан), антимонопольные разбирательства против «Газпрома» в Евросоюзе, активное противодействие участию России в строительстве АЭС за рубежом и др.

По впечатлениям автора, пожалуй, единственная сфера ТЭК, где зарубежные аналитики позитивно и с интересом говорят о России, — это арктический шельф. Видимо, поскольку полагают, что там у меж-

дународных компаний появился реальный шанс для инвестирования. В этой связи автор полагает необходимым сделать ряд замечаний.

Арктический шельф и Арктика в целом в последние годы приобрели значительно больший вес в мировой политике и в планах развития нефтегазовой отрасли. Тому было несколько причин.

В политическом плане «спусковым крючком» послужила известная экспедиция А. Н. Чилингарова «Арктика-2007», увенчавшаяся водружением российского флага на дне Северного Ледовитого океана в точке Северного полюса. Тем самым именно Россия, не вполне готовая к полноценному соревнованию, обострила проблему неурегулированности вопроса о юрисдикции над приполярными областями. Непосредственным эффектом стало обращение к ним взглядов всех арктических и ряда неарктических стран и объединений (ФРГ, Япония, Китай, Евросоюз, НАТО и др.). Большинство их приняло собственные стратегические документы по вопросам Заполярья и шире включило его в хозяйственное и военное планирование. На наших глазах Арктика превращается в новый макрорегион мировой политики, что позволило ряду авторов говорить о новой «арктической гонке».

В экономическом плане интерес к Заполярию подстегнула неожиданно осознанная в середине минувшего десятилетия (в результате шумевшего дела «Шелл») конечность доступных и нераспределенных ресурсов углеводородов наряду с возрастанием роли национальных добычных компаний. Эти обстоятельства заставили нефтяные ТНК западных стран искать (и находить) все новые перспективные бассейны. Арктические пространства положительно выделяются по нескольким параметрам: принадлежность их развитым странам, географическая близость к Европе и США, отсутствие военно-политических рисков.

В результате Арктика, как ранее другие регионы, попала на пересечение взаимовыгодных интересов и нефтяников, и национальных правительств. Первым требуются политическая поддержка и фискальные льготы, вторым — конкретные инвестпроекты для «демонстрации флага» и эффективной оккупации территории.

Сказанное верно и в отношении России. С одной стороны, налицо объективное исчерпание резервов экстенсивного роста добычи в сложившихся провинциях, включая важнейшую из них — Западно-Сибирскую. Возможности восполнить дефицит ограничены: это Восточная Сибирь, Дальний Восток и шельфовые районы. И Энергетическая страте-

гия России, и Основы госполитики страны в Арктике предусматривают ускоренное формирование на арктическом шельфе новой мощной базы по производству энергоносителей.

С другой стороны, наблюдается отчетливый рост внимания к Северу со стороны политического и военного руководства страны. При этом освоение арктического шельфа воспринимается не только как закрепление в потенциально спорных акваториях, но и как мощный стимул для развития прибрежных регионов и шире — отечественной наукоемкой промышленности.

Однако, несмотря на указанные обстоятельства, арктический шельф остается малоосвоенным. Нефтяные компании, даже в разгар глобального кризиса, не сбавляли темпов своей заявочной активности на Севере, но дальше того, чтобы «застолбить участки» или иногда пробурить поисковую скважину, дело шло редко. Вызовы, с которыми нефтяники сталкиваются в Заполярье, по своим масштабам нередко перевешивают потенциальные преимущества.

Прежде всего это экологические риски, внимание к которым и политических властей, и общественности после «Макондо» резко возросло. Специалисты отрасли признают, что эффективных способов борьбы с нефтяными разливами во льдах человечество не разработало. Ситуация дополнительно усугубляется тяжелыми природно-климатическими условиями и крайне низкой степенью развития инфраструктуры в Арктике: транспортной недоступностью, сезонным характером работы большинства портов, ненадежной работой связи и др.

В результате, например, на лишние полтора года растянулся процесс получения компанией «Шелл» разрешения на бурение поисковых скважин на шельфе Аляски, в Беринговом и Чукотском морях. Когда же оно было получено, от бурения в сезон 2012 г. пришлось отказаться сразу после начала (по официальной версии — из-за налетевших штормов). На обратном же пути буровая платформа «Кулук» села на мель близ западного побережья Аляски. По первым оценкам, причиной снова стали нарушения правил безопасности. Очевидно, данный инцидент может лишь еще более осложнить перспективы «разбуривания» арктического шельфа, по крайней мере в западных странах.

Еще один важный ограничитель — экономика шельфовых проектов. С одной стороны, себестоимость нефти в Арктике объективно выше из-за природно-климатических условий и неразвитости инфра-

структуры. с другой стороны, на цены дают эффекты «сланцевой революции», а также растущая конкуренция со стороны проектов в южных широтах — например, на шельфах тех же Бразилии и Африки.

В минувшем 2012 г. сразу несколько крупных проектов в Арктике были перенесены на будущее. Так, освоение Штокмановского газоконденсатного месторождения отложено в связи с неясностью экономических перспектив поставок с него СПГ, целевым рынком для которого планировались США. Принятие инвестрешения по аналогичному проекту «Ямал СПГ» отложено на год. На норвежском шельфе акционеры отказались от строительства второй линии сжижения газа с месторождения Снёвит («Белоснежка») — хотя, справедливости ради надо сказать, начато освоение месторождения Голиаф, серьезно рассматриваются другие проекты. В результате поискового бурения на шельфе Гренландии открыты запасы газа, разработка которых при текущей конъюнктуре нерентабельна.

Прогресс шельфовых технологий также оказывает на привлекательность арктического шельфа неоднозначное влияние. В последние пять-шесть лет в мире бурно развиваются подводное заканчивание скважин, сепарация и компрессия, транспортировка многофазных потоков — технологии, позволяющие обходиться без сооружений на поверхности моря. Они резко удешевляют освоение морских месторождений и повышают его безопасность, ограничивая человеческий фактор, что крайне актуально для покрытой льдом Арктики. В то же время новые технологии в равной степени делают доступными ресурсы и других, более комфортных участков шельфа, обостряя конкуренцию и на товарных рынках, и за инвестиции.

Эти обстоятельства по совокупности делают перспективы освоения арктического шельфа труднопрогнозируемыми. У России, таким образом, имеется угроза «засидеться на старте» и упустить начало активного передела Арктики, включившись в него с опозданием, без должных технологических, финансовых, кадровых ресурсов — и даже без военной мощи, которая объективно подрывается ныне идущими массовыми сокращениями армии и флота, затронувшими и Север. Одновременно с этим налицо риск вложить крупные ресурсы в развитие отрасли, которая окажется «тупиковым направлением». Причем размер потерь здесь будет весьма велик: развертывание шельфовой добычи «с нуля» требует огромных целевых инвестиций в развитие науки, образования,

машиностроения, транспортной инфраструктуры, в формирование береговых баз и др.

Залог успеха, на наш взгляд, прежде всего заключается в том, чтобы реалистично спрогнозировать развитие событий. Сообразно этому необходимо будет комплексно формировать внешнюю (включая военную), ресурсную, научно-техническую, промышленную и региональную политику. В то же время масштаб потенциальных обретений и потерь здесь очень велик. Это заставляет, сосредоточившись на реализации наиболее вероятного сценария, готовить и запасные меры реагирования на другие случаи. Причем развитие нефтегазовой промышленности на северном шельфе не следует воспринимать как панацею и тем более самоцель. Это лишь средство решения более важных задач (в частности, удержания исконных позиций нашей страны в Арктике), использование которого должно быть и экономически, и политически осмысленно.

Говоря о кадрах, необходимо упомянуть и практически не используемый потенциал морального стимулирования. Особенность русского человека (равно как и представителей других народов, находившихся под культурным влиянием России) в том, что он не может удовлетвориться спокойным материальным благополучием, приносимым каждодневным рутинным трудом. Ему требуется некое экстремальное преодоление, работа на разрыв во имя великого дела. В XX в. при освоении Крайнего Севера, целины, Западной Сибири этот фактор был задействован с огромным успехом. Смею заявить, что освоение новых нефтегазовых провинций без него также невозможно, тем более что масштаб решаемых задач действительно колоссальный. Важнейшая роль государства здесь состоит в том, чтобы создать у своих граждан чувство причастности к важному для страны делу.

В заключение следует отметить, что исчерпанность резервов развития по сырьевой специализации стала уже вполне общепризнанной. В частности, эта мысль стала одной из ключевых в послании Президента России В. В. Путина Федеральному собранию 2012 г.⁴. Однако преодоление этой специализации требует целенаправленных усилий и самого ТЭКа, и государственных властей. Причем, как показывает наш анализ, действовать придется в условиях нарастающей структурной трансформации мирового рынка и разноплановых «отраслевых шоков», которые требуют серьезных междисциплинарных исследований.

Нефтегазовые ресурсы России...

¹ Deep Water. The Gulf Oil Disaster and the Future of Offshore Drilling. Report to the President // Wash., National Commission on the BP Deepwater Horizon Oil Spill and Offshore Drilling. 2011. P. 115.

² *Snow N.* Deepwater drilling moratorium may temporarily cost 8,000–12,000 jobs, Senate panel told // *Oil&Gas Journal*. 2010. September 27. P. 17–19; *Baker P., Broder J.* White House Lifts Ban on Deepwater Drilling // *The New York Times*. 2010. October 12.

³ Любопытно, что авторитетные американские биржевые аналитики, призывая инвестировать в компании «новой экономики», даже доказывали, что к ним неприменимы стандартные критерии оценки стоимости бизнеса типа расчета денежных потоков.

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://президент.рф/news/17118>.

А. Л. Бирюков, Т. Л. Савостова

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТЭК РОССИИ

Растущий спрос на энергоносители и электроэнергию в мире дает возможность России стать одной из ведущих стран-экспортеров в данной области. Поэтому необходимы дальнейшая интеграция России в мировую систему оборота энергоресурсов, международное сотрудничество в области освоения и разработки топливно-энергетических ресурсов, повышение эффективности их использования и освоения новых энергетических рынков.

В течение XX в. потребление энергоресурсов постоянно росло и за столетие увеличилось в 13–14 раз. Мировая энергетика активно развивалась до середины 70-х годов: годовые темпы прироста потребления энергии в 1950–1970-х годах достигли 5%. В этот период в структуре мирового потребления энергоресурсов произошли кардинальные изменения — угольный этап сменился на нефтегазовый. Такие изменения стали возможны благодаря открытию новых богатых нефтегазоносных бассейнов, к этому времени стали гораздо эффективнее работать транспортные сети — все это дало новый импульс развитию нефтегазовой энергетики.

На мировых энергетических рынках

Россия занимает лидирующие позиции по объему добычи сырой нефти и обеспечивает **12% мировой торговли нефтью**. Основным направлением экспорта российских нефтепродуктов является европейский рынок. Свыше $\frac{4}{5}$ объема российской нефти экспортируется в страны Европы — доля России на этих рынках около 30%.

Россия занимает 1-е место в мире по запасам природного газа — 23%, по объемам ежегодной добычи — 25% мировой торговли, доминируя как на европейском газовом рынке, так и на рынке стран СНГ.

Российская атомная энергетика составляет 5% мирового рынка атомной электрогенерации, 15% мирового рынка реакторостроения, 45% мирового рынка обогащения урана, 15% мирового рынка конвер-

сии отработанного топлива и обеспечивает 8% мировой добычи природного урана. Динамика развития ресурсной базы атомной отрасли представлена на рис. 1.

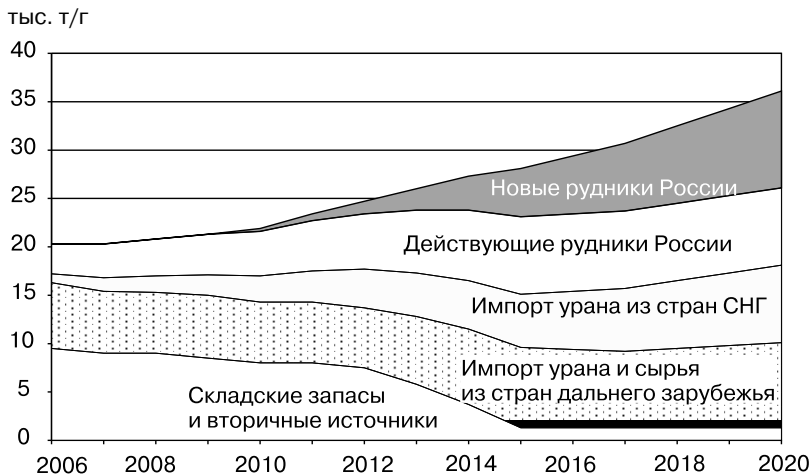


Рис. 1. Структура покрытия сырьевых потребностей атомной отрасли

Согласно мнению экспертов, а также опубликованному секретариатом ОПЕК «Обзору мирового нефтяного рынка — 2012», к 2030 г. нефть и природный газ будут доминировать над другими первичными источниками энергии: в абсолютных числах производство нефти возрастет на 20%, газа — на 50%.

В развитых странах последние двадцать лет наблюдается энергоэффективный экономический рост: на 1% прироста валового внутреннего продукта приходится в среднем 0,4% прироста потребления энергоносителей. В этот же период энергоёмкость валового внутреннего продукта в среднем по миру уменьшилась на 19%, а в развитых странах — на 21–27%. Исследования Международного энергетического агентства, других аналитических организаций полагают, что рост мирового энергопотребления тесно связан с ростом мирового ВВП и увеличением населения в мире. Учитывая дальнейший экономический рост, мировое энергопотребление к 2030 г. ожидается не менее 60% от уровня 2000 г.

По эффективности использования имеющихся ресурсов Россия значительно отстает от промышленно развитых стран: эффективность

использования электроэнергии примерно в 2 раза ниже, чем в США, коэффициент использования металлов в машиностроительной промышленности США составляет порядка 0,92, а в Российской Федерации — 0,70. Отставание от промышленно развитых стран также имеется по коэффициенту извлечения из недр полезных ископаемых, использованию технологического оборудования и машин, основных и оборотных средств, трудовых ресурсов и т.д. Являясь одним из крупнейших в мире экспортеров углеводородов, России необходимо учитывать данные обстоятельства и предпринимать необходимые меры как для увеличения добычи, так и для повышения эффективности использования углеводородов, в том числе для сохранения в дальнейшем статуса крупной энергетической державы-экспортера¹.

Следует учитывать также, что Россия не вполне контролирует энергетические коммуникации сопредельных стран, например, через Украину. Следствием такого положения может быть сокращение газового экспорта или снижение цены. По некоторым данным, потери прибыли «Газпрома» за 2009 г. достигли 25 млрд долл., что является прямой угрозой интересам России как экспортера нефти в Европу. Цена на нефть формируется за пределами нашей страны, при этом себестоимость добычи нефти на Ближнем Востоке составляет 2–6 долл. за баррель, и их месторождения расположены вблизи океанских портов, тогда как в России себестоимость добычи нефти — 14–15 долл. за баррель при минимальных затратах на инфраструктуру регионов и относительно низкой заработной плате. Логистика поставок нефти на мировой рынок также дополнительно оттесняет Россию на замыкающие позиции, поскольку средняя дальность экспортной доставки сырья по нефтепроводам из нашей страны превышает 3 тыс. км (из Ливии — 600 км, из Норвегии — 1 тыс. км).

В настоящее время лучшие месторождения ископаемого топлива находятся либо на грани истощения, либо исчерпаны, что неизбежно ведет к значительному росту стоимости топлива, поскольку в ближайшей перспективе себестоимость нефти на новых шельфовых месторождениях и на суше из пластов с большой глубиной залегания и сложной геологией резко возрастет и может достигать 22–24 долл. за баррель, а затраты на развитие новой инфраструктуры существенно увеличат расходы.

Газ из России в Европу экспортируется по трубопроводам, которые пересекают границы 14 государств. Украина активно участвует в «газовых войнах», требуя дополнительных преференций и снижения цены

газа, отпускаемого Украине. Следствие таких обстоятельств — поиск «независимых» коридоров для российского и центральноазиатского газа и нефти. Действующая газовая труба по дну Балтийского моря в Северную Германию, минуя Украину, Белоруссию и Польшу, служит важным аргументом в переговорах о цене газа и условиях транзита российского газа в Европу.

Государственная энергетическая политика

Современный этап экономики России характеризуется высокой энергоемкостью, в 2–3 раза превышающей удельную энергоемкость экономик развитых стран. Причинами такого положения, кроме более суровых климатических условий и территориального фактора, являются сформировавшаяся в течение длительного периода структура промышленного производства и нарастающая технологическая отсталость энергоемких отраслей промышленности, недооценка стоимости энергоресурсов, прежде всего газа, не стимулирующая энергосбережение.

В целом эффективность энергосбережения объектов определяется не только снижением затрат на потребляемые энергоресурсы, но и возможной экономией топлива, материалов, электрической, тепловой энергии, которая в свою очередь приводит к высвобождению части мощности и энергии, что эквивалентно возникновению нового источника энергии и особенно актуально в условиях ограниченности ресурсов.

Стратегию ресурсосбережения можно сформулировать как комплекс принципов, факторов, методов, мероприятий, обеспечивающих снижение расхода совокупных ресурсов на единицу валового национального продукта (если говорить о стране) либо на единицу полезного эффекта конкретного товара при условии обеспечения безопасности экосистемы, региона, предприятия. Отсутствие необходимой ориентации на ресурсоэффективные стратегии неизбежно приводит к снижению конкурентоспособности промышленной продукции как на внутреннем рынке, так и тем более на международных рынках.

ТЭК является отраслью, где потенциал экономного использования ресурсов далеко не исчерпан. По оценкам экспертов, в России имеется огромный потенциал энергосбережения, но энергия — это только один из основных видов ресурсов. Примерно третья часть потенциала концентрируется в топливно-энергетических отраслях (преимущественно в тепло- и электроэнергетике). Другая треть накоплена в промышленности, главным образом в металлургии и хими-

ческой отрасли. Около 20% потенциала приходится на коммунально-бытовое хозяйство и 10% — на транспорт. Очень высоки возможности экономии природного газа (22–23% всего потенциала энергосбережения, нефти — 20%). При этом нельзя не учитывать, что отрасли ТЭК являются одними из самых энергоемких и потребляют более 70% энергетических ресурсов².

К методам ресурсосбережения можно отнести конкретные технологические способы, организационные и экономические методы экономии расхода ресурсов на единицу полезного эффекта (работы) по новому варианту инвестиционного проекта по сравнению с предыдущим. Подобные методы ресурсосбережения реализуются через стратегические управленческие и организационно-технические (например, отраслевые) мероприятия, связанные с заменой физически или морально устаревших технологий, оборудования, организационных проектов, экономических и других методов³.

Рациональное использование энергетического и ресурсного потенциалов возможно только при формировании оптимальной интегрированной структуры управления, позволяющей обеспечить создание единой технологической цепочки, объединяющей организации по производству (добыче) и транспортировке топливно-энергетических ресурсов, по разработке нового высокоэкономичного оборудования для производства и транспорта энергоресурсов и энергосберегающих технологий, т.е. необходимо внедрение и использование системного подхода к управлению энерго- и ресурсосбережением. Иными словами, актуальной задачей развития экономики России является снижение энергоемкости ВВП и повышение эффективности энергопотребления на основе реализации федеральных, региональных и отраслевых программ энерго- и ресурсосбережения⁴. Для достижения максимального эффекта необходимо также осуществлять комплекс мероприятий, направленных на стимулирование энергосбережения со стороны потребителей энергоресурсов, так как вопросы эффективного использования энергетических ресурсов затрагивают многие аспекты экономического и социального благополучия страны.

В соответствии с распоряжением от 13 ноября 2009 г. № 1715-р Правительство Российской Федерации утвердило Энергетическую стратегию России на период до 2030 года, а с 1 января 2012 г. вступил в силу закон «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса (ГИС ТЭК)» — эти два документа имеют

исключительное важное значение для дальнейшего развития и качественного управления топливно-энергетическим комплексом России с целью формирования новых ориентиров развития энергетического сектора в рамках перехода всей российской экономики на инновационный путь развития.

Программа комплексного энергосбережения может включать в себя осуществление комплексных (совместных) инвестиций, так как решение проблем снижения энергоемкости и повышения на этой основе конкурентоспособности отечественной продукции на внутреннем и внешнем рынках напрямую зависит от инвестиционных возможностей обеспечения энерго- и ресурсосбережения на всех уровнях (по стране в целом, по регионам, по отраслям). Данное обстоятельство также может служить в качестве экономического обоснования необходимости применения системного подхода к рационализации использования как инвестиционных, так и топливно-энергетических ресурсов. Однако в настоящее время в России, несмотря на наличие определенной нормативно-правовой базы, закона «Об энергосбережении», отсутствует целостная система измерения и учета добываемых, производимых, перерабатываемых и потребляемых энергоресурсов. Это обстоятельство не позволяет провести объективный и точный расчет прогнозного эффекта от реализации инвестиционных проектов энерго- и ресурсосбережения в виде экономики энергетических и финансовых ресурсов во всех звеньях цепи «производство—потребление» энергоресурсов.

Стратегия эффективности

Вопросы повышения энергоэффективности, доступа к новым энергосберегающим технологиям, материалам и оборудованию являются для России одними из самых важных. При том, что Россия не только один из крупнейших производителей и транзитеров энергоресурсов в мире, она далеко не самый «эффективный» потребитель. По данному показателю российская экономика имеет существенный запас роста, который оценивается потенциалом энергосбережения в 360–400 млн т условного топлива, что соответствует примерно 30–40% существующего годового потребления энергии.

Управление эффективным энергосбережением связано с реализацией системы правовых, административных и экономических мер,

которые должны стимулировать экономное и эффективное использование энергии. В рамках такой системы необходимо реализовать планы по установлению стандартов контроля энергопотребления, возможных предельных энергопотерь при обязательной сертификации энергопотребляющих систем и оборудования на их соответствие нормативам расхода энергии, а также обеспечить совершенствование правил учета и энергопотребления.

Практика показывает, что во многих случаях повышение энергоэффективности не требует дополнительных затрат. Если потенциал экономии газа, нефти и нефтепродуктов экспортировать, то дополнительный экспортный доход составит 80–90 млрд долл. в год. Реализация такого потенциала экономии энергии позволит России развивать экономику в течение 8–12 лет практически без увеличения потребления первичных энергоресурсов. Попытки удерживать высокие темпы экономического роста с «дополнительной нагрузкой» высокой энергоемкости неизбежно проявятся в виде тормозящей роли ТЭК за счет отвлечения огромных капитальных вложений от развития других секторов экономики. Структура технического потенциала повышения энергоэффективности (млн т.у.т.) представлена на рис. 2.



Рис. 2. Структура технического потенциала повышения энергоэффективности

Источник: Оценка ЦЭНЭФ для Всемирного банка.

Целенаправленное повышение энергетической эффективности ТЭК должно быть направлено на безусловное достижение намеченных стратегических ориентиров роста энергоэффективности — с использованием широкого спектра регулирующих и стимулирующих потребителей энергоресурсов воздействий, обеспечивающих реализацию потенциала технологического энергосбережения, структурную перестройку российской экономики при максимально возможном развитии доли атомной и гидрогенерации, с дальнейшим развитием новой газовой генерации преимущественно комбинированной выработки для производства тепловой и электрической энергии и т.д.

Новые решения в области энергоэффективности должны быть увязаны со значительным снижением стоимости генерации, с возможностью получения значительно большего количества энергии, автономностью генерации, со снятием географических ограничений для работы генерирующих агрегатов и устройств. Учитывая масштабы российских территорий, особую значимость сегодня приобретает потребность в новых способах беспроводной передачи электричества на большие расстояния с минимальными потерями. Необходимо последовательное создание и развитие сетевой инфраструктуры, развивающейся опережающими темпами по сравнению с генерацией, обеспечивающей участие энергокомпаний и потребителей в рынке электроэнергии, укрепление межсистемных связей, гарантирующих надежность обмена энергией и мощностью между регионами России, а также в интересах обеспечения экспортных обязательств.

Соответствовать требованиям нового времени может только качественно обновленный топливно-энергетический комплекс — финансово устойчивый, экономически эффективный и динамично развивающийся, приемлемый для окружающей среды, оснащенный передовыми технологиями и высококвалифицированными кадрами.

¹ Свистунов П. В. Энергетика завтрашнего дня // Экономика и ТЭК сегодня. 2012. № 18.

² Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. М.: Министерство энергетики РФ, 2009.

³ Данилов И. П. Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике // Проблемы современной экономики. 2012. № 2 (42).

⁴ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. М.: Министерство энергетики РФ, 2009.

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ: современное состояние и влияние на перспективы отношений между Россией и КНР

Рубеж XX и XXI вв. ознаменовался в Китае переходом к модели, основанной на расширении импорта энергоресурсов. В 1993 г. он стал нетто-импортером нефти, а с 2003 г. занимает второе место в мире после США по объему импорта этого сырья. При этом разрыв между ними неизменно сокращается не только в связи с ростом китайского импорта, но и по причине постепенного перехода США к импорто-замещающей энергетической стратегии (рис. 1). В то же время Китай олицетворяет противоположную тенденцию. В течение последних лет стратегия самообеспечения перестала быть основным декларируемым принципом развития энергетики. Китай сегодня осуществляет активную политику диверсификации источников получения энергоресурсов. В 1978–2008 гг. его доля в мировом потреблении нефти возросла с 2,9 до 9,6%. По подсчетам западных экспертов, с начала XXI в. око-

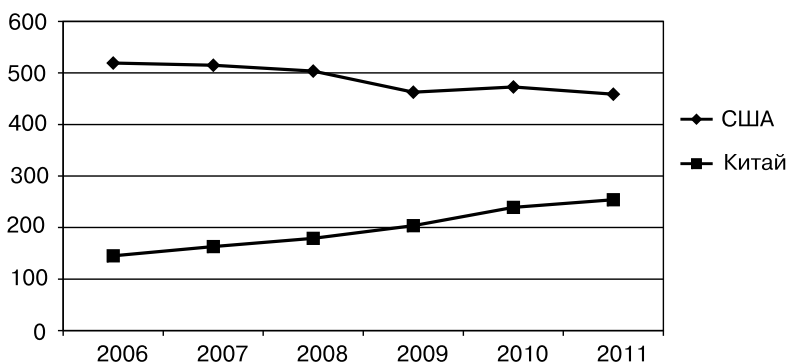


Рис. 1. Импорт нефти США и Китаем, млн т

ло половины прироста мирового спроса на нефть приходится на КНР. Согласно прогнозам, содержащимся в опубликованной в 2009 г. в Китае Директивной программе минеральных ресурсов на период 2008–2015 гг., потребление нефти в 2020 г. составит более 500 млн т. Доля импорта в суммарном потреблении энергии в 2020 г. возрастет с 3 до 20%¹.

В создавшейся ситуации Китай все более активно вытесняет американские компании с их традиционных нефтяных рынков. С 2007 г., например, КНР стала крупнейшим импортером нефти из Саудовской Аравии — в недавнем прошлом крупнейшего партнера США в сфере энергетики (рис. 2).

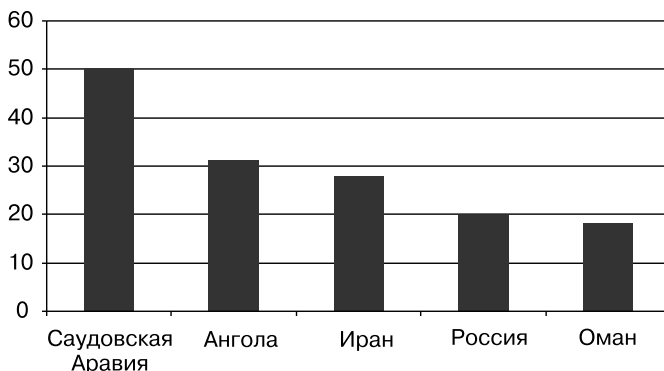


Рис. 2. Ведущие экспортеры нефти в КНР в 2011 г., млн т

Россия и бывшие советские республики Центральной Азии также играют все более важную роль в обеспечении энергетической безопасности Китая, а КНР соответственно — в обеспечении их долговременной экономической безопасности. Последние события подтверждают достоверность такого наблюдения.

Сегодня Россия занимает четвертое место среди поставщиков энергоресурсов в Китай, обеспечивая примерно 9% китайского импорта². На протяжении следующего десятилетия этот показатель может удвоиться, особенно если в КНР пойдет российский газ. Но России приходится противостоять и сугубо географическим факторам. Что касается газа, то самый большой спрос на него наблюдается в промышленно развитых южных районах Китая, однако они находятся далеко от российских газовых месторождений. Поэтому из-за необходимости

развития инфраструктуры для доставки газа он будет чрезвычайно дорог в тех местах, где больше всего нужен. Одним из вариантов решения проблемы может стать богатая газом Восточная Сибирь, но она расположена ближе к менее населенным регионам Китая, и именно там было бы рациональнее в теории этот газ использовать. Но экономика в этих регионах развита не настолько, чтобы оправдать крупные китайско-российские инвестиции в дорогостоящую наземную инфраструктуру.

Известный китайский специалист по энергетическим вопросам Ван Хайюнь заявил, что в 2010 г. Китай и Россия достигли большого прогресса в двустороннем энергетическом сотрудничестве, что особо способствует стратегическому партнерству двух стран. По его словам, в течение последних лет Китай и Россия серьезно расширили сферы сотрудничества: нефть, природный газ, уголь, ядерная энергетика и многие другие направления³.

В 2010 г. успешно завершено строительство российско-китайского нефтепровода Сковородино—Дацин, и 1 января 2011 г. начались поставки нефти. Это существенный прорыв в китайско-российском энергетическом сотрудничестве, к чему обе стороны стремились уже много лет. Следующие 30 лет через данный нефтепровод Россия будет ежегодно поставлять в Китай 15 млн т сырой нефти. Это означает, что благодаря своему соседу КНР будет долгосрочно и стабильно обеспечена нефтяным сырьем. Россия в свою очередь также получит крупный, стабильный и надежный рынок энергетики, благодаря чему в России ожидается достижение важного прогресса в продвижении стратегии по диверсификации энергетического экспорта.

Соглашение «кредиты в обмен на нефть» укрепит энергетическую безопасность Китая благодаря наземной нефтетранспортной системе, поскольку Пекину не надо будет возить нефть танкерами по забитым морскими судами и в значительной степени контролируемым США Ормузскому и Малаккскому проливам. Он получает еще один гарантированный источник поставки нефти почти на два десятилетия.

Уже сегодня Россия получает китайский капитал в обмен на нефть. Сумма долгосрочных кредитов, предоставленных Китаем России, составляет 25 млрд долл., 15 млрд из этой суммы получает российская нефтяная компания «Роснефть», а 10 млрд — российская государственная нефтепроводная компания «Транснефть».

Россия в счет возмещения кредитов поставит Китаю в период с 2011 по 2030 г. 300 млн т нефти, причем среднегодовые объемы поставок будут составлять 15 млн т, или примерно 110 млн баррелей. Таким образом, Китай получит еще один гарантированный источник поставки нефти почти на два десятилетия.

ОАО «Роснефть» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация начали строительство нефтеперерабатывающего завода в Китае. В сентябре 2010 г. в городе Тяньцзинь началось строительство завода, который будет построен совместным предприятием «Китайско-российская Восточная нефтехимическая компания» (Восток-Нефтехимия).

Кроме того, китайские энергетические компании регулярно предпринимают попытки выйти и на североамериканский энергетический рынок. Так, например, 23 июня 2005 г. государственная энергетическая корпорация *CNOOC (China National Offshore Oil Corporation)* сделала предложение о приобретении за 18,5 млрд долл. американской компании *UNOCAL*. Под давлением американских законодателей *CNOOC* вынуждена была снять свою заявку⁴, однако пять лет спустя вновь предложила стратегию бизнес-слияний, заявив об интересе к энергетическим мощностям энергетической компании *Chesapeake Energy Corp.* в Техасе, Колорадо и Вайоминге на общую сумму 2,3 млрд долл.

Вместе с тем повышение энергетических аппетитов китайской экономики способствует наращиванию не только конкуренции, но и сотрудничества в американско-китайских отношениях. Согласно данным, опубликованным в 1992 г. американско-китайским советом по экономическому сотрудничеству, в предстоящие два десятилетия Китай планировал израсходовать на импорт энергетического оборудования 100 млрд долл. (для сравнения: на импорт аэрокосмической техники — до 40 млрд, телекоммуникационного оборудования — 30 млрд, компьютерной техники — 40 млрд долл.)⁵. Спустя 20 лет политологи все еще не утратили былого оптимизма. Так, например, З. Бжезинский отмечает: «Вовлечение Китая в диалог по вопросам региональной стабильности не только снижает опасность конфликта с США, но и устраняет непонимание между Китаем и Японией, Китаем и Индией, а также в некоторой степени и между Китаем и Россией по поводу ресурсов и независимого статуса государств Центральной Азии»⁶.

Эксперты придают большое значение энергетической сфере в структурной иерархии двусторонних отношений. Так, например, китайский специалист Чжу Шида ставит ее на вторую позицию после двусторонней торговли⁷. Другой известный китайский эксперт, директор Китайского форума реформ и открытости Чжэн Бицзянь в свою очередь предлагает объединить торгово-экономическую и энергетическую проблематику, в которой необходимо находить новые сферы взаимодополняемости экономик двух стран, устранять препятствия на пути развития двусторонних связей, уважая интересы противоположной стороны⁸. И, наконец, бывший директор Института США Китайской академии современных международных отношений Фу Мэнцзы отмечает, что такие проблемы американо-китайских отношений, как изменение климата и энергетика, имеют перекрестный (*цзяоча-дэ*) характер и нуждаются в совместных усилиях целого ряда ведомств⁹.

В начале XXI в. ускорились процессы структурной институционализации энергетического сотрудничества между двумя странами. В 2003 г. в ходе своего визита в США премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао предложил в целях устранения разногласий повысить роль координационных механизмов в двусторонних отношениях, в том числе в сферах энергетики и защиты окружающей среды. Год спустя начались заседания Диалога по энергетической политике (*Energy Policy Dialogue*), участниками которого стали министерство энергетики США и государственная комиссия по делам развития и реформ КНР, а в 2005 г. был запущен механизм Форума по глобальным проблемам (*Global Issues Forum*) между бюро глобальных инициатив госдепа и китайским МИД.

Энергетическая проблематика стала одной из ключевых на начавшем работу в 2006 г. Стратегическом экономическом диалоге. Никого не должно смущать назначение соруководителем этого диалога с американской стороны министра финансов Г. Полсона. По сути Полсон представлял на консультациях весь экономический блок администрации, включая аппарат торгового представителя, министерство торговли, госдепартамент, агентство по торговле и развитию и министерство энергетики.

18 июня 2008 г., на пике глобального «ралли» цен на углеводородное сырье была подписана **Десятилетняя программа сотрудничества в области энергетики и экологии** (*China-U.S. Ten Year Energy and Environment Cooperation Framework*), предполагающая активизацию двустороннего

сотрудничества в крайне широком спектре областей. При этом следует отметить тот факт, что Пекин пошел на значительно более широкую диверсификацию институтов экологического сотрудничества с США, чем даже с Россией — своим крупнейшим соседом и стратегическим партнером (табл. 1).

Таблица 1

Двусторонние механизмы российско-китайского и американо-китайского сотрудничества в экологической сфере

	Сотрудничество	
	российско-китайское	американо-китайское
Межведомственные органы	Подкомиссия по сотрудничеству в области охраны окружающей среды Российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств	Десятилетняя программа сотрудничества в области энергетики и экологии
Рабочие органы и группы постоянного или временного характера	— Рабочая группа по предотвращению загрязнения окружающей среды и взаимодействию при чрезвычайных экологических ситуациях; — Рабочая группа по вопросам предотвращения загрязнения трансграничных водных объектов и их охраны; — Рабочая группа по вопросам особо охраняемых природных территорий, охраны флоры, фауны и природных экосистем.	— Координационный комитет; — Совместная рабочая группа; — Экспертный комитет; — План действий; — Экспертный комитет программы «Чистая вода»; — Экспертный комитет программы «Чистый воздух»; — Экспертный комитет программы «Сохранение лесов и рамсарских угодий»; — Экспертный комитет программы «Чистые, эффективные и надежные способы генерации и передачи электроэнергии»; — Экспертный комитет программы «Чистый и эффективный транспорт»; — Экспертный комитет программы «Энергоэффективность»; — Экопартнерство; — «Зеленая» экономическая зона

Стоит отметить тот факт, что спецификой Десятилетней программы стала координация общей энергетической стратегии с планами развития высокоэффективных, так называемых «чистых» технологий на основе широкого использования и внедрения технических инноваций, что по замыслу крупнейших мировых потребителей должно стабилизировать устойчивость национальных рынков энергоресурсов. Данная программа является наиболее масштабным двусторонним документом, одним из ведущих коспонсоров которого стали неправительственные организации (НПО) и экспертные сообщества. Во-первых, именно американские НПО изначально предложили Полсону философию этого документа. Причем китайской стороне настолько понравился американский проект, что его под личный контроль взял премьер Госсовета Вэнь Цзябао, а в качестве координатора с китайской стороны был выбран Госкомитет по развитию и реформам, в наибольшей степени по сравнению с другими ведомствами ориентированный на разработку и осуществление модернизационных инициатив.

Во-вторых, одним из наиболее существенных наполнений Программы стало создание так называемого «экопартнерств» — системы субнациональных инициатив по осуществлению пилотных модернизационных проектов в области защиты окружающей среды (табл. 2).

Таблица 2

Американо-китайские экопартнерства

Американские партнеры	Китайские партнеры
<i>Energy Future Holdings Corp.</i>	<i>Huadian Corporation</i>
<i>Ford Motor Company</i>	<i>Changan Auto Group Corporation</i>
г. Вичита (Канзас)	г. Уси (пров. Цзянси)
<i>Floating Windfarms Corporation</i>	<i>Tangshan Caofeidian New Development Area</i>
Порт Сиэтл	Порт Далянь
г. Гринсбург (Канзас)	г. Мяньюжу (пров. Сычуань)
Университет Тулейн (Новый Орлеан)	Восточно-китайский педагогический университет (Шанхай)

Значительной оптимизацией достигнутых результатов в сфере американо-китайского энергетического сотрудничества ознаменовался приход в Белый дом администрации Б. Обамы. На прошедшем в мае 2010 г.

в Пекине втором раунде стратегического и экономического диалога был окончательно определен статус расширяющегося и диверсифицирующегося диалога по энергетической и экологической проблематике. Госдепартамент и Комитет КНР по развитию и реформам проанализировали ход работы экопартнерств, а также согласовали вопросы, связанные с созданием секретариата и учреждением новых экопартнерств.

Другим важным новшеством стало широкое включение вопросов, связанных с альтернативной энергетикой, в повестку двустороннего диалога. в этой связи состоялось подписание следующих документов.

1. Комиссия по ядерному регулированию США и госуправление ядерной безопасности КНР подписали меморандум о сотрудничестве в эксплуатации реакторов *Westinghouse AP1000*¹⁰, которые планируется установить на АЭС Таохуацзянь в пров. Хунань. Также было достигнуто дальнейшее взаимопонимание по вопросам защиты интеллектуальной собственности при передаче ядерных технологий. Следует отметить, что почва для данной сделки была подготовлена в наиболее кризисный период двусторонних отношений последних двух десятилетий. Еще в 1996 г., несмотря на начатое расследование поставок Пакистану 5 тыс. китайских кольцевых магнитов, которые могли использоваться для производства обогащенного урана, в Вашингтоне сочли возможным выдать въездные визы пяти инженерам-ядерщикам из КНР для работы с реактором именно *Westinghouse Electric*. Это было расценено специалистами как знак того, что США вступили в борьбу за китайские заказы в сфере атомной энергетики¹¹.

2. Госдепартамент и государственное энергетическое агентство КНР подписали план действий по эксплуатации сланцевых газов. Было также принято решение о детальном обсуждении проблемы развития энергетики сланцевых газов в ходе работы двустороннего форума нефтяной и газовой промышленности.

3. Было опубликовано совместное заявление о сотрудничестве в области энергобезопасности. В нем признана неразрывная связь между энергобезопасностью и развитием «чистой» энергетики, а также зафиксировано согласие сторон развивать сотрудничество в таких сферах, как стабилизация международных энергетических рынков, диверсификация источников энергии и ее эффективное использование.

Кроме того, в дополнение к уже имеющимся форумам было принято решение о необходимости создания следующих новых механизмов сотрудничества:

- Форум по энергоэффективности;
- Исследовательский центр чистой энергетики (*Clean Energy Research Center*), сосредоточивший свою работу на трех направлениях: создание и эксплуатация «чистых» автомобилей, энергосбережение в коммунальном строительстве и программа «Чистый уголь»;
- Форум в области электромобилестроения;
- Форум по возобновляемым источникам энергии;
- Форум по биотопливу¹².

Эксперты по-разному оценивают перспективы повышения статусности экологической проблематики в структуре стратегического диалога между двумя странами. Как считает профессор Фуданьского университета Ма Цзяньин, сотрудничество в сфере «чистой энергетики» сдерживается тремя факторами:

- дефицит взаимного доверия;
- торговый протекционизм;
- ограничения на экспорт высокотехнологичной продукции из США в Китай¹³.

С другой стороны, в совместно опубликованной статье директор центра изучения проблем национальной безопасности Военного колледжа США К. Батс и руководитель программы экологической безопасности Китая в вашингтонском Центре им. В. Вильсона Дж. Дабелко полагают, что одним из драйверов, способствующих запуску военного диалога с Пекином, может стать обсуждение экологической повестки. По их мнению, Пентагон может вполне успешно использовать опыт своего сотрудничества с военными ведомствами России и других стран по ликвидации угроз радиоактивного заражения на постсоветском пространстве. Кроме того, с конца 1990-х годов представители оборонных ведомств США и КНР регулярно контактируют в ходе международных конференций, посвященных таким проблемам, как адаптация к изменениям климата и ликвидация последствий природных бедствий. Экологическая проблематика, по мнению экспертов, вряд ли будет вызывать острые политические трения и сможет стать одной из наиболее оптимальных платформ для развития военного диалога как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

Апеллируя к основным положениям теории неофункционализма (прежде всего его тезису о «перетекании» механизмов сотрудничества

из одной сферы в другую), авторы утверждают, что обсуждение широкого круга вопросов в ходе таких контактов будет способствовать выработке у сторон так называемой «привычки к сотрудничеству» на системном уровне, а также повышению уровня взаимного доверия между влиятельными военными и политиками двух стран. С другой стороны, решение энергетических и экологических проблем также могло бы послужить во благо самих оборонных ведомств, к примеру, снижая риски пандемий среди военнослужащих и оптимизируя военные расходы за счет уменьшения в них доли энергетических издержек¹⁴.

Возможно также, что процесс централизации институциональных механизмов американо-китайского диалога будет продолжен. К этому, в частности, призывают некоторые авторитетные американские синологи. Так, научные сотрудники Совета по внешней политике Э. Экономи и А. Сегал полагают, что идеальным было бы привлечение к курированию диалога помимо СНБ еще и вице-президента США. Повышение уровня диалога в Вашингтоне, по мнению авторов, помогло бы и китайской стороне правильно расставить собственные «бюрократические приоритеты» (*bureaucratic priority*)¹⁵.

Среди указанных перспективных направлений сотрудничества особняком стоит кооперация в сфере газа. Россия и Китай уже достигли заметного уровня взаимопонимания в развитии газового сотрудничества. С началом глобального финансового кризиса потребности европейских стран в российском газе сократились, что заставило «Газпром» искать новых покупателей в АТР. Наиболее перспективными проектами представляются маршрут газопровода из Западной Сибири в Синьцзян через Республику Алтай, наращивание поставок СПГ с Сахалина, а также разработка Чаяндинского месторождения в Якутии.

В марте 2006 г. в Пекине «Газпром» и китайская госкомпания *CNPC* подписали соглашение о поставках природного газа в Китай по алтайскому маршруту. Строительство газопровода было запланировано на 2011 г. Однако стороны не смогли согласовать цены на газ, поэтому не был согласован необходимый объем инвестиций, а строительство было отложено¹⁶. Кроме того, китайский партнер «Газпрома» традиционно настаивает на маршруте, пересекающем границу на восточном участке — ближе к основным регионам потребления газа в КНР.

Ранее сообщалось, что «Газпром» и *CNPC* согласовали ключевые показатели и параметры предстоящих поставок российского при-

родного газа на рынок КНР по западному маршруту. В соответствии с заключенным в июне 2009 г. российско-китайским меморандумом о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере природного газа и дорожной картой, которая является дополнением к этому меморандуму и определяет конкретные шаги по развитию взаимодействия сторон, начало поставок запланировано на 2015 г. Российский газовый гигант дал согласие на поставку 30 млрд куб. м газа в Китай ежегодно в течение 30 лет начиная с 2015 г.

При этом «Газпром» не отвергает идей диверсификации рынков сбыта природного газа в Северо-Восточной Азии, особенно в связи с «синдромом Фукусимы» в Японии и возросшим спросом на «голубое топливо» в РК¹⁷. По мнению экспертов аналитического центра *Chatham House*, 2013 год станет решающим в выборе окончательного маршрута экспорта российского газа в государства Восточной Азии¹⁸.

Одновременно Китай усиливает инновационную составляющую своего газового сотрудничества с США. Американская сторона проявляет большой интерес к китайским запасам сланцевого газа. Как сообщало агентство *Bloomberg*, крупнейшая энергокомпания КНР *PetroChina* оценивает запасы сланцевых газов в Китае в 45 трлн куб. м, что выводит Поднебесную на первое место в мире по этому показателю¹⁹. По прогнозам китайских правительственных экспертов, уже к 2015 г. уровень добычи составит 6,5 млрд, а к 2020 — уже 100 млрд куб. м. Соединенные Штаты являются признанным лидером по использованию сланцевых газов и пионером так называемой сланцевой революции (*shale revolution*). Так, в 2011 г. доля сланцевого газа в национальной добыче достигла 30% всего объема добываемого газа, что позволило США отказаться от импорта газа и вплотную заняться проектами по экспорту СПГ в Европу и Азию.

Энергетическое сотрудничество является важной составной частью российско-китайского сотрудничества и закладывает прочную основу для экономических отношений двух стран. Оно давно уже носит стратегический характер, не ограничено лишь торговыми отношениями, а поднято на уровень экономической стратегии и энергетической дипломатии. Обе стороны в этой сфере проявили большую активность, что помогло успешному продвижению долгосрочного и стабильного сотрудничества. Энергетический бум в российско-китайских отношениях способствовал как преодолению их основной структурной дис-

пропорции, так и переходу отношений между Москвой и Пекином к всестороннему формату, декларация о котором была подписана главами России и Китая в 2010 г.

Одновременно Китай и США будут стремиться наращивать стратегические аспекты своих отношений в сфере энергетики, превращаясь в **стэйкхолдеров** глобального рынка энергоресурсов и энерготехнологий. Уже сейчас основными направлениями китайско-американского энергетического взаимодействия становятся:

- диверсификация институциональных форм и инвестиционных источников;
- инновации в технологиях и менеджменте;
- растущая политическая значимость.

При этом очевидно, что напористость США в деле развития сотрудничества с Китаем по вопросам «инновационной» энергетики объективно способна нанести ущерб отдельным российско-китайским энергетическим проектам.

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mlr.gov.cn/xwdt/zytz/200901/t20090107_113776.htm.

² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minenergo.gov.ru/activity/statistic>

³ Коржубаев А. Г. О стратегии взаимодействия России со странами АТР в нефтегазовой сфере // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2. С. 69.

⁴ См.: Hufbauer G. US-China trade disputes: rising tide, rising stakes. Washington: Institute for International Economics, 2006. P. 47–55.

⁵ См.: Котляров Н. Н. Экономические отношения КНР с США. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003; Котляров Н. Н. Экономические и политические факторы развития китайско-американских отношений во время президентства У. Клинтона // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межгосударственных взаимодействий. М., 2004. С. 333–363.

⁶ Brzezinski Z. Balancing the East, Upgrading the West: U.S. Grand Strategy in an Age of Upheaval // Foreign Affairs. January/February 2012. Vol. 91. No 1. P. 101.

⁷ Zhu Shida. The Rise of China and the Sino-U.S. Relations // International Review. Spring 2006. No 42. P. 55.

⁸ Жэньминь жибао. 11.05.2006.

⁹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.chinapressusa.com/newscenter/2009-07/25/content_232285.htm.

¹⁰ Реакторы высокотемпературного синтеза с газовым охлаждением. После подписания 16 декабря 2006 г. американо-китайского меморандума о взаимопонимании, предусматривавшего строительство корпорацией четырех реакторов третьего поколения, западные эксперты подчеркивали, что Китай станет первой страной в мире, где будут

апробированы реакторы AP-1000, и, более того, подобные технологии не использовались даже в США. Экспертами был сделан вывод, что у выбора в пользу американской корпорации имелась политическая подоплека. О напористости американской администрации в продвижении проектов этой компании свидетельствуют и откровения госсекретаря Х. Клинтон, заявившей в начале декабря 2012 г. по поводу тендера на достройку Темелинской АЭС в Чехии: «Мы не стыдимся лоббировать предложение компании «Вестингхауз» (We are not shy about pressing the case for Westinghouse)» (см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ceskenoviny.cz/news/zpravy/westinghouse-has-safest-technology-for-czech-temelin-clinton/873345>). Характерно, что как в китайском, так и в чешском проектах *Westinghouse Electric* неизменно вступала в прямую конкуренцию с российским Атомстройэкспортом.

¹¹ Bloch J. Commercial Diplomacy // Living with China: U.S.-China Relations in the Twenty-first Century / Ed. by Ezra F. Vogel. N.Y.: W.W. Norton, 1997. P. 203–204.

¹² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142180.htm>.

¹³ Ма Цзяньин. Цяньси чжун-мэй цинцзе нэньюань хэцзо (О китайско-американском сотрудничестве в сфере чистой энергетики) // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2009. № 12. С. 48–52.

¹⁴ Butts K., Dabelko G. One Way to Boost US-China Military Cooperation // Christian Science Monitor. 2009. April 21.

¹⁵ Economy E., Segal A. The G-2 Mirage: Why the United States and China Are Not Ready to Upgrade Ties // Foreign Affairs. May/June 2009. Vol. 89. No 6. P. 23.

¹⁶ Добрецов Н. П. Магистральный газопровод «Алтай» и перспективы выхода России на энергетический рынок АТР и развитие транзитных регионов // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 97.

¹⁷ Потребление природного газа в Южной Корее в 2001–2011 гг. выросло более чем вдвое — с 20,8 до 46,6 млрд куб. м.

¹⁸ Paik K.-W, Lahn G., Hein J. Through the Dragon Gate? A Window of Opportunity for Northeast Asian Gas Security // Chatham House Briefing Paper. December 2012. P. 1.

¹⁹ США, занимающие второе место, располагают запасами в 24 трлн куб. м.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Современный этап развития человечества характеризуется интенсификацией глобализационных процессов, ускорением мировой социально-экономической, политической и духовно-культурной динамики. Одним из важнейших приоритетов на сегодняшний день является обеспечение устойчивого развития, принцип которого был впервые провозглашен в резолюции, принятой 20 октября 1987 г. на Пленарном заседании 42-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в следующей формулировке: «Устойчивое развитие подразумевает удовлетворение потребностей современного поколения, не угрожая возможности будущих поколений удовлетворять собственные потребности». Отмечалось, что «этот принцип должен стать центральным руководящим принципом ООН, всех правительств и министерств, частных компаний, организаций и предприятий». Таким образом, устойчивое развитие предполагает развитие рациональное, сбалансированное, учитывающее интересы как текущего, так и грядущих поколений и создающее сегодня благоприятные условия для продолжения развития человечества завтра.

Когда мы говорим об устойчивом развитии, то учитываем системный характер вопросов, решаемых в рамках его обеспечения, а именно экономический, социальный и экологический его аспекты. Устойчивое развитие в экономике предполагает поддержание экономического роста, повышение уровня удовлетворения потребностей домохозяйств и государств, технологическую модернизацию национальных экономик и мирового хозяйства, развитие инновационных и перспективных секторов и отраслей экономики. Социальный аспект устойчивого развития ставит перед мировым сообществом задачи активной борьбы с бедностью, повышения уровня и качества жизни населения Земли, сокращения разрыва в уровне доходов между развитыми, развивающимися и переходными странами, повышения образовательного уровня,

борьбы с массовыми заболеваниями, развития национальных систем социального обеспечения. Особенно важна экологическая составляющая устойчивого развития. На сегодняшний день жизненно необходимо принятие эффективных мер силами всего мирового сообщества по возможной минимизации последствий ущерба, уже нанесенного окружающей природной среде вследствие хозяйственно-экономической активности человека, и по повышению экологического потенциала планеты, борьбе с изменением климата и вредными выбросами в атмосферу, выступающими катализаторами негативных климатических изменений. Данные вызовы требуют четко скоординированных и активных действий со стороны государств, международных организаций, бизнеса и гражданского общества.

Особое значение для устойчивого развития национальных государств и мирового сообщества в целом имеет обеспечение энергетической безопасности. Энергетическая безопасность может определяться как состояние защищенности систем энергоснабжения соответствующего уровня (местного, отраслевого, национального, регионального либо глобального) от реальных и потенциальных угроз внутреннего и внешнего характера. Энергия играет огромную роль в экономике и социальной сфере. в этой связи важнейшую роль приобретают меры по обеспечению устойчивого развития, реализуемые в энергетической сфере.

В силу глобального характера вопросов устойчивого развития его энергетический контекст требует не только осуществления адекватных внутригосударственных преобразований и мер, но и совершенствования и расширения международного энергетического сотрудничества государств. Особый упор следует сделать на развитие регионального энергетического сотрудничества, отвечающего общемировым целям обеспечения устойчивого развития и в то же время позволяющего учесть региональные природно-географические, экономико-финансовые, технологические и иные условия в рамках как двустороннего и многостороннего взаимодействия стран регионов мира, так и сотрудничества международных организаций. Согласно резолюции ГА ООН 65/151 от 20 декабря 2010 г. 2012 год был провозглашен Международным годом устойчивой энергетики для всех, что обуславливает активизацию работы по обеспечению устойчивого энергетического развития.

Особую актуальность имеет обеспечение устойчивого развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Ряд стран региона обла-

дает существенным экономическим потенциалом и значительным влиянием на международные процессы и способен сделать значимый вклад в обеспечение устойчивого развития на внутригосударственном, региональном (в АТР) и мировом уровнях. Проблема достижения устойчивого развития через обеспечение энергетической безопасности и развитие международного энергетического сотрудничества актуальна для данного региона. Это обусловлено: 1) ролью отдельных государств в системе международного энергетического взаимодействия (так, большинство стран АТЭС являются нетто-импортерами энергоресурсов), 2) повышающимся текущим и перспективным спросом на энергоносители в регионе в связи с экономическим развитием (по прогнозам, к 2030 г. он удвоится), 3) общим ростом экономического потенциала государств региона. Играет роль и необходимость решения насущных проблем региона в области энергетики. Так, резолюция Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭКСАТО) 67/2, одобренная ЭКОСОС ООН 25 июля 2011 г., подчеркивает необходимость развития регионального энергетического сотрудничества в целях повышения энергетической безопасности и устойчивого использования энергии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, обращая внимание на то, что «около одного миллиарда людей в Азиатско-Тихоокеанском регионе сегодня не имеют доступа к современным недорогостоящим энергетическим услугам». Таким образом, международное энергетическое сотрудничество в АТР является неременным условием обеспечения стабильного и достаточного энергоснабжения государств и региона в целом, энергетической безопасности.

С учетом глобального масштаба вызовов энергетической безопасности в АТР своевременное и эффективное решение вопросов энергетического взаимодействия подразумевает создание механизмов и структур сотрудничества на региональном уровне.

Историческое, культурное, экономическое и политическое многообразие АТР определяет необходимость изучения уже существующих примеров многостороннего и двустороннего энергетического сотрудничества. В настоящее время в регионе действуют 43 международных платформы взаимодействия, в рамках которых обсуждаются проблемы ТЭК. Несколько региональных организаций играют ведущие роли в установлении диалогов между заинтересованными сторо-

нами в энергетической сфере. Это форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана Организации Объединенных Наций (ЭСКАТО ООН), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Организация экономического сотрудничества (ОЭС), Азиатский форум Боао (АФБ). Наиболее яркими примерами двустороннего взаимодействия в области энергетики являются диалоги Российской Федерации, Японии, КНР, Индии, Республики Корея.

Богатый опыт многосторонних и двусторонних взаимоотношений в АТР закладывает прочную основу для создания региональной платформы сотрудничества в области энергетической безопасности. На сегодняшний день усилия по созданию подобного института предпринимаются различными региональными организациями, в том числе АТЭС, АСЕАН, ОЭС. Тем не менее наибольших результатов в этом направлении пока достигла ЭСКАТО ООН, инициировавшая проведение в 2013 г. Азиатско-Тихоокеанского энергетического форума (АТЭФ) на уровне министров энергетики, который должен стать первой площадкой обсуждения вопросов ТЭК в АТР подобного уровня.

Глобальный характер проблем устойчивого развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе, факторы энергетической безопасности, непосредственно связанной с экономическим ростом и социальным благосостоянием, закладывают фундамент международного сотрудничества в энергетической сфере.

Суть же проблем международного энергетического сотрудничества современности связана с неравномерностью обеспеченности запасами углеводородов стран мира и АТР в частности. Различия в обеспеченности достигают десятков тысяч раз (на основе индекса *EFFRE (economy fossil fuel reserves endowment)*). Ситуация может быть сглажена только с помощью торговли энергоресурсами. Однако ввиду стратегического характера товара с этим связаны и опасения в области безопасности.

Характер проблем устойчивого развития и международного энергетического сотрудничества создает основу для выработки региональной стратегии развития ТЭК и повышения энергетической безопасности в АТР. Тем не менее принятие подобной стратегии и следование

ее принципам требует укрепления понимания того, что достижение общих целей развития соответствует национальным интересам государств. В долгосрочной перспективе энергетическая безопасность не может быть достигнута вне взаимовыгодного международного сотрудничества, особенно в условиях продолжающейся глобализации. Выход понятия энергетической безопасности на международный уровень, таким образом, становится закономерным и представляет главную возможность для устойчивого энергетического развития в регионе.

**ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ
СТРАТЕГИИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ:
региональные политические риски
и внерегиональные факторы безопасности**

Энергетическая отрасль, составляя основу российского экспорта, стала инновационным конструктом и локомотивом современной экономики России, важным фактором устойчивого развития которой является расширение экспортных возможностей поставок энергоресурсов на мировые рынки.

Участие России в интеграционных азиатских процессах и объединениях в сфере энергетики отвечает национальным интересам Российской Федерации. Рост значения энергоресурсов в мировой политике объясняется прежде всего прогнозируемой в скором будущем нехваткой этих ресурсов. Поэтому контроль над нефтегазовыми регионами фактически дает возможность маневрировать ресурсами и становится ключевым фактором политического и экономического влияния во всем мире. Находясь на стыке трех геостратегических частей мира: Европы, Азии и Ближнего Востока, Центральнo-Азиатский регион (ЦАР) и вплотную примыкающие к нему нефтяные и газовые месторождения Каспия превратились в объект международной конкуренции, геостратегического противостояния, военных вызовов и угроз, обусловленных устремлениями ведущих стран мира и межгосударственных союзов к нефтегазовым ресурсам региона¹. Можно выделить четыре уровня интереса к этому региону:

- 1) страновой — страны ЦАР и Каспия (Туркменистан, Азербайджан, Россия, Иран, Казахстан, Узбекистан), пытающиеся решить внутренние проблемы за счет поставок энергосырья на мировой рынок;
- 2) субрегиональный — на котором субрегиональные лидеры (Россия, Иран, Китай, Турция) стремятся максимально укрепить стратегические позиции в регионе;

- 3) регионально-евразийский — страны зоны транзита (Россия, Киргизия, Таджикистан, Иран, Китай, Турция, Грузия, Армения, Украина, Румыния, Болгария и другие), которые пытаются извлечь дивиденды из транспортировки энергосырья по их территории;
- 4) глобальный — где крупные мировые игроки (США, ЕС, Россия, Китай) рассматривают Центрально-Азиатский и Каспийский регион как элемент геополитической борьбы за контроль над нефтегазовыми ресурсами, обустройство стратегических коммуникаций и маршрутов вывоза нефти и газа на внешние рынки и выстраивание многоуровневой системы гарантий своих интересов в регионе.

В связи с этим Каспийско-Центрально-Азиатский регион — сложный этноконфессиональный клубок противоречий — переживает один из наиболее сложных этапов в своей истории.

Зона Каспийского моря (морское дно и прикаспийские территории) с прогнозными, разведанными и уже разрабатываемыми ресурсами нефти и газа рассматривается иностранными специалистами как резервный источник углеводородных энергоносителей для мировой экономики. Их доля в мировом нефтегазовом балансе многими экспертами сегодня оценивается в 3%, а в перспективе может быть доведена до 6–10%².

Экспертная оценка запасов нефти в российском секторе Каспия — 2,95 млрд т, природного и нефтяного газа — 3,1 трлн куб. м. На данный момент в Каспийском регионе открыто 10 месторождений, которые вместе могут обеспечить добычу 40 млн т нефти в год. По оценкам западных компаний, запасы Каспия составляют от 26 до 40 млрд т условного топлива. Доказанные ресурсы нефтяных месторождений в Каспийском море составляют примерно 10 млрд т. Помимо России добычу углеводородов в регионе ведут Казахстан, Азербайджан, Туркмения и Иран³.

Наибольшими запасами нефти в Центральной Азии обладает Казахстан (табл. 1). По данным статистического обзора информационно аналитического центра «Минерал» при Федеральном агентстве по недропользованию ФГУНПП «Аэрология», доказанные запасы нефти Казахстана составляют 3,9% от мировых запасов. При достигнутых темпах добычи нефти, обеспеченность данным видом ресурса для Ка-

захстана составляет, по расчетам ИАЦ «Минерал», 123 года. Казахстан является одним из десяти крупнейших государств мира, обладающих избыточными энергетическими и минеральными ресурсами. в настоящее время в республике открыто 197 нефтяных и газовых месторождений. Самые большие перспективы по увеличению объемов добычи углеводородов связаны с Государственной программой освоения Казахстанского сектора Каспийского моря.

Узбекистан обладает уникальными запасами топливно-энергетических ресурсов и более 60% его территории ориентированы на нефть и газ, где разведано более 160 перспективных месторождений углеводородов. По оценкам экспертов⁴ добыча нефти имеет тенденцию к снижению. в связи с этим, экспортные возможности Узбекистана минимальны.

Разведанные запасы нефти Туркменистана составляют 82,2 млн т, крупнейшие месторождения которой сосредоточены на шельфе Туркменского сектора Каспийского моря (около 80%). Добыча нефти и экспорт имеют тенденцию к росту. Некоторые из центрально-азиатских стран в официальных статистических отчетах⁵ показывают завышенные показатели по запасам энергоресурсов. Очевидно, это связано с заинтересованностью в поиске выгод от диверсификации, внесении остроты конкуренции в привлечение дополнительных инвестиций со стороны иностранных компаний.

Таблица 1

**Подтвержденные запасы нефти и газоконденсата на 01.01.2008 г.,
уточненные — на 01.01.2007 г. (млн т) и обеспеченность добычи
запасами (лет)**

Регион	Запасы 2008 г.	Доля в мире, %	Запасы 2007 г.	2008/ 2007, %	Обеспеченность
Россия ¹	16738 ^г	8,2	16679 ^г	100,4	35
Европа	2139,6	1,1	2417,5	88,5	6
Азербайджан	1750 ^г	0,9	1750 ^г	100	54
Афганистан	14 ^г	0*	14 ^г	100	...
Казахстан	8 000 ^г	3,9	8000	100	123
Киргизия	11,4 ^г	0*	11,4 ^г	100	228
Китай	3 900 ^г	1,9	3900 ^г	100	21
Монголия	3,5 ^г	0*	4 ^г	87,5	18

Окончание табл. 1

Регион	Запасы 2008 г.	Доля в мире, %	Запасы 2007 г.	2008/ 2007, %	Обеспеченность
Пакистан	39,6	0*	39,6	99,9	12
Таджикистан	1,6	0*	1,6	100	164
Туркменис- тан	82,2	0*	82,2	100	9
Узбекистан	81,4	0*	82	99,3	15
Иран	18 958,9	9,3	19 000,5	99,8	90

Примечания: 1 — в оценку запасов России включены запасы конденсата; * — незначительное количество; г — оценка.

Составлено по данным на 2011 г. Информационно-аналитического центра «Минерал» при Федеральном агентстве по недропользованию ФГУНПП «Аэрология». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mineral.ru/Facts/stat/124/214/index.html>.

По уровню доказанных запасов природного газа в Центрально-Азиатском регионе лидерами являются Казахстан и Туркменистан, совместный потенциал которых составляет 3,2% мировых запасов. Заметное место в регионе по запасам природного газа занимает Узбекистан — 1,1% мировых запасов (табл. 2).

Таблица 2

Доказанные запасы природного газа (млрд куб. м) на 1.01.2007 г.,
их прирост в 2006 г. и обеспеченность добычи запасами (лет)

Регион	Запасы	Доля в мире, %	Прирост запасов, %	Обеспеченность
Россия	47 544	27,2	0	...
Европа	6 103,9	3,5	–3,4	...
Азербайджан	849	0,5	0	...
Афганистан	49,5	0*	0	...
Казахстан	2830	1,6	53,8	96
Киргизия	5,7	0*	0	...
Китай	2 264	1,3	50	...
Пакистан	792	0,5	–0,6	...
Таджикистан	5,7	0*	0	...
Туркменистан	2 830	1,6	–2,4	...

Окончание табл. 2

Регион	Запасы	Доля в мире, %	Прирост запасов, %	Обеспеченность
Иран	27 564	15,8	0,9	...
Узбекистан	1 839,5	1,1	–1,8	...

Примечание: * — незначительное количество.

Составлено по данным на 2011 г. Информационно-аналитического центра «Минерал» при ФГУНПП «Аэрология». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mineral.ru/Facts/stat/124/205/index.html>.

Существующая и перспективная система трубопроводов намечает контуры единой транспортно-энергетической инфраструктуры, стратегическими связующими «нитеями» объединяющая Евразийское энергетическое пространство между ЕС, нефте- и газодобывающими государствами Центральной Азии, Каспия, Ближнего и Среднего Востока, Россией и странами Восточной и Южной Азии (рис.1). Здесь уже реализованы некоторые стратегические транзитные проекты:

- 1) Каспийский трубопроводный консорциум — КТК (соединяет месторождения Западного Казахстана Тенгиз и Карачаганак с российским побережьем Черного моря — терминал Южная Озереевка около Новороссийска)⁶;
- 2) нефтепровод Баку—Тбилиси—Джейхан — БТД;
- 3) региональные нефтепроводы Баку—Супса (Грузия), Баку—Новороссийск (Россия)⁷;
- 4) прорабатываются планы возобновления использования нефтепровода Омск—Павлодар—Чимкент—Чарджоу, киргизского участка газопровода Бухарский газоносный район — Ташкент—Бишкек—Алматы⁸.

Стремление к диверсификации маршрутов поставок на мировом нефтегазовом рынке возникло в последнее десятилетие как со стороны поставщиков, так и со стороны потребителей. Но это не только европейский феномен. Такие же тенденции присутствуют и на самом быстрорастущем энергетическом рынке — Китайском, который намеренно создает диверсифицированный энергетический портфель и стабильный фундамент для будущих поставок энергоресурсов. Наиболее показательным примером является газопровод Центральная Азия—КНР (Туркмения—Узбекистан—Казахстан—Китай)⁹.



Рис.1. Основные регионально-евразийские маршруты транспортировки нефти

Источник: Energy Information Administration. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eia.doe.gov/>.

Имеются возможности альтернативных направлений поставок, исходящим центром которых является крупнейший в регионе по ресурсам и добыче газа Туркменистан (рис.2). Это маршруты:

1) действующие трубопроводы: Средняя Азия—Центр (САЦ-1-4) через Россию в Европу; Прикаспийский газопровод в Россию (САЦ-3), который в перспективе будет расширен¹⁰; Туркменистан—Иран (действует и расширяется), позволяющий использовать сделки замещения и поставлять на международные рынки туркменский трубопроводный газ и СПГ из района Персидского залива;

2) строящиеся трубопроводы: внутренний туркменский трубопровод Восток—Запад¹¹; Туркменистан—Китай через Узбекистан и Казахстан (первая очередь запущена 14 декабря 2009 г.);

3) трубопроводы в стадии разработки и обсуждения: обходящие стороной Россию трубопроводные магистрали в Европу — проект «Южный коридор» (*TAP, NABUCCO West, TANAP*)¹² и другие, соединение которых с правобережьем Каспия предполагалось через гипотетический Транскаспийский газопровод; Трансафганский трубопровод: Туркмения—Афганистан—Пакистан—Индия (ТАПИ)¹³.



Рис. 2. Основные газотранспортные регионально-евразийские маршруты

Источник: Международное энергетическое агентство (IEA).

Создание подобной инфраструктуры ведет к закреплению стратегического присутствия в зоне Каспийского моря и ЦАР ведущих западных стран и к усилению их влияния на политику государств региона. Однако эксперты предупреждают, что, по самым оптимистичным подсчетам, большинство планируемых трубопроводов может быть введено в строй не ранее 2013–2015 гг., а их выход на проектную мощность может состояться не ранее 2020–2025 гг., если для их заполнения будет найден необходимый объем углеводородного сырья¹⁴.

Степень реализуемости перспективных и долгосрочность действующих энергетических проектов находятся в прямой зависимости от обеспечения их безопасности и нивелирования существующих вызовов и угроз. Топливо-энергетическая тематика становится частью международных отношений как фундаментальная проблема национальной безопасности в условиях глобализации. «Энергетическая безопасность» определяется как «обеспеченность доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для поступательного развития национальной мощи»¹⁵. С одной стороны, в условиях постепенного разрушения международно-правовой системы, обострения старых и возникновении новых ре-

гиональных кризисов ослабевают институциональные и политические ресурсы международного сообщества и отдельных государств. С другой стороны, формирующийся дефицит углеводородного сырья требует осуществления масштабных проектов в энергетике и транспортной сфере, прокладывания новых, в том числе трансконтинентальных, маршрутов, связывающих Запад и Восток для стабильного удовлетворения мировых потребностей в углеводородах.

С точки зрения энергетической безопасности можно выделить по крайней мере три уровня региональных политических рисков и вне-региональных факторов.

Первый уровень — страновой (Иран, Азербайджан, Туркменистан, Россия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан). Первая проблема на этом уровне — раздел акватории Каспийского моря¹⁶ с разделом ресурсов шельфа — нефти и газа, а также его биологических ресурсов и акватории между пятью прикаспийскими государствами¹⁷.

Стремление Баку, Ашхабада и Астаны создать максимально широкий фронт международной поддержки своей политики на Каспии порождает другую проблему: присутствие в регионе большого числа зарубежных нефтяных компаний, в том числе транснациональных, что порождает сложные конкурентные условия.

Эти противоречия создают почву для возникновения конфликтных ситуаций между прикаспийскими странами и для вмешательства в дела каспийского региона как соседних стран (Турция), так и нерегиональных государств, в первую очередь США и Евросоюза. Но обе обозначенные выше проблемы вряд ли следует рассматривать как слишком серьезные, тем более — как непреодолимые препятствия для российских компаний, осуществляющих свои проекты на Каспии.

Предпосылки возможных конфликтов (в том числе вооруженных) обусловлены и гораздо более существенными дестабилизирующими факторами:

- прогрессирующая разобщенность стран региона, обусловленная превалированием политических амбиций правящих элит, преследующих узкие националистические интересы в межгосударственных отношениях¹⁸;
- зависимость стран региона от внешних субсидий, несогласованность в вопросах внешней политики, борьба за региональное лидерство;

- столкновение национальных, экономических интересов: газ и нефть Каспия, вода и гидроэнергетические ресурсы¹⁹, земля Ферганской долины — спорные вопросы пограничного размежевания (Таджикистан — Кыргызстан — Узбекистан²⁰, Казахстан—Узбекистан²¹, Таджикистан—Узбекистан²²);
- трудноразрешимые историко-территориальные конфликты (Таджикистан—Узбекистан²³),
- демографические проблемы: высокий уровень рождаемости в ЦАР (численность населения более 57 млн человек²⁴). Население Ферганской долины — 12 млн жителей²⁵ (2009), площадь — 22 тыс. км. Это один из наиболее плотно населенных регионов мира. Плотность населения Ферганской долины составляет 300–550 человек на квадратный км (в ЦА на один квадратный километр приходится 14 человек)²⁶. Все проблемы ЦАР (проблема границ, бедность, дефицит плодородных земель и водных ресурсов, безработица, межэтнические противоречия и т.д.) здесь представлены в концентрированном виде, как следствие — нехватка жизнеобеспечивающих ресурсов, земли и воды.

Второй уровень — региональный: Каспий и ЦАР непосредственно граничат с «горячими» регионами, такими как Кавказский, Южно-Азиатский и Ближневосточный, проблемы которых могут, при неблагоприятном стечении обстоятельств «выплеснуться» и на его территорию. Наиболее серьезными из них являются:

- бурный рост религиозного экстремизма, фундаментализма (при содействии Саудовской Аравии, Пакистана, Афганистана, Турции²⁷) и международного терроризма (Афганистан, диверсионно-террористическая активность в Дагестане и в других северокавказских субъектах России, подрывная деятельность в странах Кавказа и Центральной Азии зарубежных исламских экстремистских организаций и движений²⁸, активизация борьбы уйгурских сепаратистов);
- наличие в регионе неурегулированных конфликтов (азербайджано-армянский конфликт из-за Нагорного Карабаха²⁹, проблема курдов в Турции, агрессивные действия Грузии против Южной Осетии и Абхазии³⁰);
- большая и трудноразрешимая проблема — наркотрафик из Афганистана, осложняемая отсутствием строго контролируемых

границ (как внешних границ СНГ, так и границ между странами-соседями);

- экономические диверсии на транспорте, нефте- и газопроводах, объектах электроэнергетики (электростанции и линии электропередачи) и связи, хищения нефти и газа из магистральных трубопроводов.
- разногласия, противоречия и противостояние между странами региона (Азербайджан—Иран³¹, Турция—Армения³²), по территориальным, политическим, этническим и другим вопросам, имеющим давние исторические корни.

Третий уровень — геополитический: интерес США, НАТО и Евросоюза к ЦАР и Каспию не ограничивается только нефтью и газом. Этот регион рассматривается США как центр геополитических построений, одним из которых является «Стратегический энергетический эллипс» (рис. 3), охватывающий Каспийское море и Персидский залив, т.е. углеводороды стран Аравийского полуострова, Ирака, Ирана, Каспийского региона, Центральной Азии и даже России.

Геополитическая ситуация здесь сложилась и продолжает развиваться под влиянием ряда внерегиональных факторов, которые должны учитываться при оценках условий безопасной реализации нефтегазовых проектов в зоне Каспия и ЦА:

- активные мероприятия ведущих западных стран и исламских государств по расширению своего политического, экономического и военного влияния в регионе и на подступах к нему³³;
- продолжающееся противостояние между Ираном и США, в которое постепенно втягивается все большее число государств³⁴;
- войны США и НАТО в Ираке и Афганистане;
- навязывание некоторым государствам Южного Кавказа (в первую очередь Грузии и Азербайджану) разного рода программ военного сотрудничества.

Политика и действия США, Евросоюза и НАТО в регионе ЦА и Каспийского моря являются наиболее серьезным стратегическим вызовом национальным интересам и безопасности России на этом направлении. Вашингтон осуществляет стратегический проект установления первенства США в регионе — обойти существующие пути транспортировки через Россию и Иран и направить энергоносители

каспийского региона напрямик на перевалочный пункт — в страны НАТО (Турция), обеспечив тем самым независимое будущее странам-производителям и странам, предоставляющим транзит.

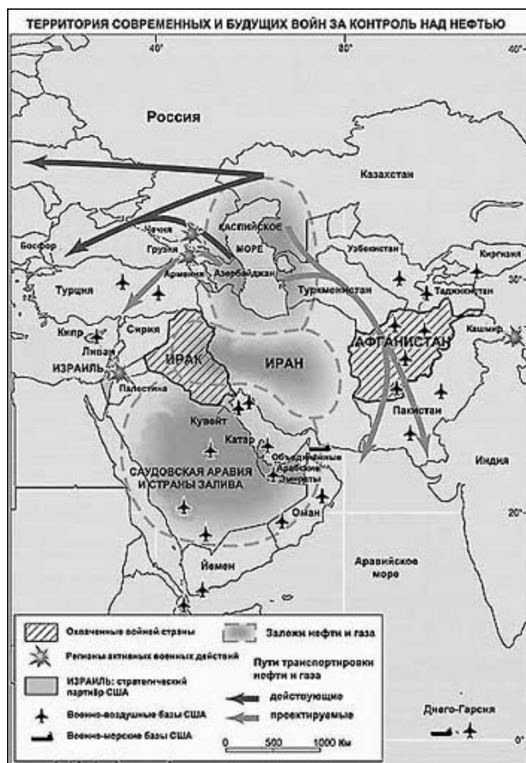


Рис.3. Зона «стратегического энергетического эллипса»

Источник: Трайкович З. Как осуществляется развал России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2005/09/05/russia/>

В Центральной Азии в совместных энергетических проектах доминирует КНР. Китайские корпорации³⁵ участвуют почти в 30 проектах среднеазиатских стран: по разведке, добыче, переработке и транспортировке углеводородов. Энергетическая (нефтяная) дипломатия Поднебесной опирается прежде всего на государственную поддержку и финансирование, позволяющие госкорпорациям КНР проявлять гибкость в переговорах, в том числе по ценовой политике. Высокие

темпы развития китайской экономики поставили перед государством проблему обеспечения энергоресурсами для сохранения этих темпов. Потребности КНР в энергии растут втрое быстрее среднемировых³⁶. Доля основного компонента первичной энергии КНР, угля, постепенно уменьшается, нефть была и остается в энергобалансе КНР второй. С 1993 г. потребности превысили объем добычи нефти. Китайские источники³⁷ прогнозируют, что зависимость КНР от нефтяного импорта к 2015 г. составит 60–70%, и это становится проблемой национальной безопасности КНР. Существующие пути импорта энергоносителей из Африки и Ближнего Востока морским путем на 80% уязвимы. Стратегия энергетической безопасности КНР указывает на необходимость диверсификации, где приоритет отдается трубопроводным энергопоставкам с месторождений Каспия и ЦАР.

Главные задачи России в сложившейся сложной геополитической обстановке:

- 1) предупреждение новых и блокирование существующих вооруженных конфликтов, настойчивый поиск путей и механизмов урегулирования имеющихся в регионе разногласий и противоречий;
- 2) недопущение в Каспийский бассейн ВМС внешних для него стран³⁸ (в конце 2003 г. США приступили к реализации новой инициативы «**Каспийский страж**» (*Caspian Guard*), с 2004 г. США осуществляют программу радиолокационного наблюдения за казахстанским сектором моря и т.п.³⁹) либо всемерная локализация ущерба от их появления;
- 3) содействие определению правового статуса Каспия прикаспийскими государствами и обеспечение экологического контроля в регионе;
- 4) осуществление собственной независимой нефтегазовой политики в ЦА и Каспийском регионе и планомерное освоение российскими компаниями региональных месторождений углеводородов при постоянном совершенствовании и наращивании производственной и транспортной инфраструктуры;
- 5) поддержание конкурентоспособности российских маршрутов вывода энергоносителей на мировой рынок; модернизация трубопроводов и диверсификация их направлений.

В настоящее время нигде в мире не существует столько предпосылок для конфликта, связанных с использованием природных ресурсов, как в ЦАР. Поэтому безопасность региона может обеспечить только совместное использование транснациональных ресурсов, имеющих международное значение.

В этом контексте особую роль играет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как пример стратегического партнерства и интеграции в Евразии, которая способна, в перспективе, стать интернациональным механизмом по согласованию взаимовыгодного использования ресурсов стран Каспия и ЦАР⁴⁰. На сегодняшний день ШОС — субрегиональная международная организация, в которую входят шесть государств — Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Общая площадь государств — членов ШОС составляет около 30 млн 189 тыс. кв. км, что равно $\frac{3}{5}$ площади Евразии, а население — 1,4 млрд 455 млн человек, или $\frac{1}{4}$ населения всего земного шара. Государствами — наблюдателями при ШОС являются Индия, Монголия, Пакистан и Иран⁴¹. 16 июня 2009 г., по завершении саммита стран—участниц ШОС в Екатеринбурге, было принято решение предоставить не применявшийся ранее в практике организации статус «партнера по диалогу» двум странам: Шри-Ланке и Белоруссии.

Топливоно-энергетическая проблематика требует нового взгляда на формат взаимодействия в рамках ШОС, нуждающийся в совершенствовании и развитии. Уникальной характеристикой энергетического пространства ШОС является отсутствие третьих стран на пути транспортировки энергоресурсов. Органично и геоэкономическое сочетание групп производителей-экспортеров (Россия, Казахстан, Узбекистан) и потребителей-импортеров энергоносителей (Китай, Киргизия, Таджикистан). С учетом стран-наблюдателей можно говорить о взаимодействии «оси» производителей (Россия—Казахстан—Узбекистан—Иран) и «оси» потребителей энергоресурсов (Китай—Таджикистан—Киргизия—Индия—Пакистан—Монголия). Реализация и первой, и тем более второй (вместе с наблюдателями) модели делает ШОС самодостаточной энергетической системой как в региональном, так и в глобальном плане. К этим двум «осям» следует добавить «ось» стран-транспортировщиков. Во взаимодействии всех трех «осей» (по газовой, нефтяной, атомной, электрической опциям) центральным вопросом на первом этапе, видимо, будет выработка единой политики в отношении

цен (с учетом мирового рынка цен на энергоносители и долговременных соглашений), маршрутов, объемов продаж и закупок. В отличие от ОПЕК ШОС объединяет и производителей, и транспортеров, и потребителей энергетических ресурсов, что позволяет уже на начальном этапе осуществлять стратегию сравнительных преимуществ⁴².

Стратегически важной является идея создания «энергетического клуба» (ЭК) в рамках ШОС, который позволит не только выстроить самодостаточную энергетическую структуру «производитель—поставщик—потребитель» на евразийском пространстве, но и существенно обогатить общую стратегию развития ШОС, внести новые ресурсы влияния в традиционные сферы безопасности, экономического и гуманитарного сотрудничества.

Существуют объективные трудности на пути реализации проекта ЭК: невозможность полного совпадения интересов производителей и потребителей энергоресурсов; определенная конкуренция за рынки сбыта нефти и газа, за источники, маршруты и объемы поступления энергоносителей; разномасштабность экономик стран ШОС. Но в рамках ЭК данная тенденция может быть нивелирована.

Экономический кризис дезорганизовал многие проекты. Экстремальные условия сжатия экономики, пересмотр инвестиционных программ и стратегий компаний, дефицит финансовых ресурсов вносят коррективы в правила игры и функции участников рынка. Но все кризисные явления помимо дисгармонии приносят в любые процессы новую динамику, новые оценки и перспективы развития, обновляют отношения и стимулируют интеграционное сближение. Для Шанхайской организации сотрудничества как крупной интеграционной структуры именно сейчас экономически и политически рационально закладывать долгосрочные решения, связанные с разработкой документов стратегического планирования стран—членов ШОС на основе согласования национальных долгосрочных концепций социально-экономического развития.

Необходимо учитывать большой опыт ШОС по эффективной координации деятельности государств региона в противостоянии терроризму, религиозному экстремизму и сепаратизму, а также таким нетрадиционным угрозам современности, как наркотрафик, нелегальная миграция, контрабанда оружия, киберпреступность, и др.⁴³. Национальные стратегии безопасности и развития имеют свои особен-

ности и требуют определенного согласования. В этих обстоятельствах ШОС, являясь комплексной структурой, адаптирует и гармонизирует нестыковки и выступает «уникальным механизмом мягкой конкуренции». Динамика сотрудничества между странами—членами ШОС по вопросам безопасности свидетельствует о достижении определенного прогресса. На этом весьма сложном пути важно установить и укрепить отношения членов ШОС с другими региональными организациями, цели и задачи которых тесным образом переплетаются: СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз. Укрепление сотрудничества между этими организациями, учитывая идентичность стоящих перед ними вызовов и угроз, а также существенное совпадение их составов является естественным и своевременным процессом.

Возрастание значения в мировой экономике азиатских энергетических рынков, появление новых крупных потребителей энергии (КНР, Индия) требует анализа энергетического сотрудничества в политическом измерении и построения моделей энергетического взаимодействия с учетом новых политических реалий, в частности, Центрально-Азиатского вектора энергетического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества, что позволит стабильно обеспечивать имеющиеся мировые потребности в углеводородах.

¹ *Гушер А. И.* Каспийский регион как арена стратегической конкуренции и противоборства. Вызовы, риски и угрозы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://journal-neo.com/?q=ru/node/1875>.

² *Гушер А. И.* Каспийский регион как арена стратегической конкуренции и противоборства. Вызовы, риски и угрозы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.journal-neo.com/?q=ru/node/1871>.

³ Россия оценила запасы нефти и газа на Каспии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/05/04/value/>.

⁴ *Касымова В. М.* Проблемы межгосударственного взаимодействия в области ТЭК стран Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. 2010. Февраль. № 1(6). С. 36.

⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fundeh.org/files/publications/132/kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf.

⁶ Официальный сайт КТК. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cpc.ru/portal/alias!press/lang!ru/tabID!3357/DesktopDefault.aspx>.

⁷ *Зульхарнеев А.* Энергетические интересы Ирана в каспийском регионе. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.imperiya.by/economics2-8873.html>.

⁸ *Лузянин С. Г.* Шанхайская организация сотрудничества: модель образца 2008 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/konturi/shankhajskaia_organizacija_sotrudnichestva_model_obrazca_2008_goda_2008-03-28.htm.

⁹ Результаты экспертного опроса «Центральная Азия и Европейский союз — диверсификация энергетических маршрутов». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.j-een.com/news_view/722/.

¹⁰ Прикаспийский газопровод, как ожидается, будет построен параллельно уже давно эксплуатируемому газопроводу «Средняя Азия—Центр» (САЦ), обойдя Узбекистан, и позволяя транспортировать газ шельфа Туркменистана и Казахстана.

¹¹ Внутритуркменский газопровод «Восток—Запад» соединит восточную часть Туркмении и месторождение Южный Иолотань с запасами 3,7–18 млрд куб. м природного газа через Каракумы с КС «Белек». Соединив ряд магистральных действующих газопроводов Туркмении, он позволит перебрасывать необходимые объемы газа из одного конца страны в другой, создав единую газотранспортную систему.

¹² Трансанатолийский газопровод (*TANAP*) — от границы Грузии до западной границы Турции. Мощность газопровода составит 16 млрд куб. м с возможностью расширения до 35–50 млрд куб. м. Текущая ресурсная база — только газ с азербайджанского месторождения Шах-Дениз (2-я фаза).

За право доставлять каспийский газ из Турции в Европу конкурируют два проекта: *Nabucco West* (газопровод протяженностью 1300 км через Болгарию, Румынию, Венгрию и Австрию) и Трансадриатический трубопровод (*TAP* — через Грецию, Албанию и Адриатическое море на юг Италии, а после в Западную Европу. Мощность трубопровода составит 10 млрд куб. м в год. Есть также возможности к его расширению до 20 млрд куб. м.) Окончательное решение по маршруту поставок газа из Азербайджана в Европу консорциум «Шах Дениз» примет в 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1567559.html#ixzz2JYro14W9>; *Nabucco West* объединится с *TANAP*. <http://www.regnum.ru/news/1567559.html#ixzz2JYro14W> <http://www.casfactor.com/rus/main/670.html>.

¹³ Газопровод «Туркмения—Афганистан—Пакистан—Индия» протяженностью 1735 км возьмет старт с восточного региона Туркмении, где расположены крупнейшие газовые очаги, и, пройдя по территории Афганистана и Пакистана, достигнет населенного пункта Фазилка (Индия) на пакистано-индийской границе. Мощность трубопровода планируется в объеме 33 млрд куб. м газа в год (*Макаров А. А.* Изменения в газовой сфере требуют от производителей и потребителей «голубого топлива» усовершенствования условий сотрудничества. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oilru.com/discuss/read/1/>).

¹⁴ Жильцов С. С. Ресурсный ландшафт Каспия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/energy/2009-09-08/14_kaspiy.html.

¹⁵ Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy / Jan H. Kalicki and David L. Goldwyn (eds). Washington—Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 2005. P. 9.

¹⁶ Каспий: Зачем он Западу? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://caspiy.net/knigi/kaspij-zachem-on-zapadu/43-kaspij-zachem-on-zapadu-4-kak-razdelit-kaspijskuyu-neft.html>.

¹⁷ Азербайджан, Казахстан и Туркмения настаивали на разделе Каспия по срединной линии, Иран — на разделе по одной пятой части моря между всеми прикаспийскими государствами. В 2003 г. Россия, Азербайджан и Казахстан подписали соглашение о частичном разделе Каспийского моря по срединной линии. В то же время между Ираном, Туркменией и Азербайджаном остались неурегулированными спорные вопросы, в том числе о на-

циональной принадлежности некоторых месторождений нефти на морском дне (между Азербайджаном и Ираном: месторождения «Араз—Алов—Шарг»; между Азербайджаном и Туркменией: месторождения Осман (Чираг), Хазар (Азери) и Алтын Асыр (Шарг)).

¹⁸ Рудов Г. А. Проблемы и сложности развития государств Центральной Азии // Обозреватель. 2011. Апрель. № 4 (255). С. 103.

¹⁹ В силу географического расположения Узбекистан, Казахстан и Туркменистан попадают в гидрозависимость от Таджикистана и Кыргызстана, обладающих мощными водными запасами. Узбекистан препятствует строительству новых ГЭС в Таджикистане и Кыргызстане, используя как инструмент давления прекращение поставок газа в эти страны. Получается замкнутый круг: из-за увеличения выработки электроэнергии на ГЭС Таджикистана и Кыргызстана зимой происходит сброс воды, Узбекистан лишается поливной воды летом и применяет санкции к «обидчикам» — задерживает транзитные грузы (Рудов Г. А. Указ соч.).

²⁰ Нерешенность пограничного урегулирования в Ферганской долине означает не только вопросы демаркации, определения и введения режима границ, это еще и крупная этническая проблема — национальный характер границ или, точнее, национальное содержание их территорий. Ведь сложность заключается еще и в том, что по разные стороны границ Кыргызстана с Таджикистаном, Узбекистана с Кыргызстаном, и наоборот, проживают крупные диаспоры этих народов в виде анклавных вкраплений в каждом из государств (Цит. по: Вопросы пограничного урегулирования в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/29p.html>).

²¹ Рахимов М. Межгосударственные границы и проблемы безопасности в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1235459700>.

²² Комплекс гидроэнергетических противоречий в отношениях Таджикистан—Узбекистан связан со строительством Рогунской ГЭС. Для Таджикистана при отсутствии других энергоресурсов это вопрос выживания: в зимний период возникает дефицит электроэнергии, так как ГЭС не работают на полную мощность, иначе массовый сброс воды зимой приведет летом к дефициту поливной воды в Узбекистане и, как следствие, к социально-экономическому кризису — три четверти населения заняты в сельском хозяйстве.

²³ Противостояние Таджикистан—Узбекистан, возникшее после распада СССР: по мнению определенной части элиты Таджикистана, города Бухара и Самарканд, населенные таджиками, несправедливо достались Узбекистану по национально-территориальному делению 1920 г. — *Прим. авт.*

²⁴ Классификатор стран мира. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/>.

²⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ia-centr.ru/expert/4535/>.

²⁶ Ферганская долина. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.silkroadadventures.net/ru/Uzbekistan/18TheNature/4Fergana.html>.

²⁷ Рудов Г. А. Указ. соч.

²⁸ Звягельская И. Д. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=277297>; Ханбабаев К. М. Исламский радикализм на Северном Кавказе. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-12914.html>; Доклад Центра антитер-

рористических программ «Специфика проявлений терроризма и экстремизма в Центральной Азии». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.terrorunet.ru/analytic/64.html>; Вухрев М. Исламские организации и их влияние на существование и распространение исламистского экстремизма. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1122192600>; Шохзода С. Проблемы региональной безопасности Центральной Азии: внутренние аспекты в теории и на практике. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://centralasia.narod.ru/articles/1.htm>; Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fundeh.org/files/publications/132/kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf.

²⁹ Азербайджан—Армения: Нагорно-карабахский конфликт возник и развивается на почве острой межнациональной вражды и межконфессионального противостояния, а также взаимных исторических претензий на эту территорию. Война между Арменией и Азербайджаном с 1994 г. и по настоящее время — состояние вооруженного противостояния на линии прекращения огня. По экспертным оценкам, мирное политическое урегулирование в ближайшей перспективе невозможно.

³⁰ Медведев: многие лидеры признают агрессию Грузии против Южной Осетии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20100805/262061137.html?ria=1dmts5pd9kloq00ep9gv0okn5o02nc8r>.

³¹ Азербайджан—Иран: исторические противоречия вокруг так называемого «южно-го Азербайджана» — граничащих с Азербайджаном северо-западных иранских провинций Ардебиль, Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан и Зенджан, населенных азербайджанцами, курдами и персами. Эти территории были закреплены за Ираном Гюлистанским 1813 г. и Туркманчайским 1828 г. мирными договорами между Россией и Ираном. Сепаратистские выступления в 1946 г. привели к массовым жертвам этнических азербайджанцев. Эти события и идеи Великого Азербайджана (объединения всех населенных азербайджанцами территорий) являются мощным и провокационным фактором напряженности в отношениях между Баку и Тегераном. — *Прим. авт.*

³² Турция—Армения: противоречия имеют давние исторические корни и порождены борьбой за территории, межнациональной и межконфессиональной неприязнью и агрессивным пантюркизмом турецкой политической элиты, который привел в 1915–1916 гг. к геноциду армянского населения Турции. Из более чем 2 млн проживавших на территории Турции армян турками было уничтожено, по разным оценкам, от 1,5 до 2 млн человек. Анкара на официальном уровне отказывается признать факты геноцида армян. Кроме вопроса о признании факта геноцида у Турции и Армении сохраняются разногласия по Карсскому договору от 1921 г. В соответствии с которым города Карс и Ардаган отошли к Турции. Гора Арарат также оказалась на территории Турции. Такое разграничение стало основной причиной, по которой современная Армянская Республика не признает Карсский договор. Карсский договор продолжает оставаться политической реальностью и активно используется Турцией для вмешательства в политические процессы, происходящие в Южном Кавказе. Резкое обострение этих отношений может сыграть роль детонатора нового регионального конфликта и прямого вмешательства великих держав в дела Каспийского региона. — *Прим. авт.*

³³ США за милитаризацию соседей РФ по Каспию. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://topwar.ru/3766-ssha-za-militarizaciyu-sosedej-rf-po-kaspiyu.html>. Регио-

нальная система безопасности на Каспии. Между *Caspian Guard* и *CASFOR*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nomos.com.ua/content/view/126/69/#17>.

³⁴ Гушер А. И. Каспийский регион как арена стратегической конкуренции и противоборства. Вызовы, риски и угрозы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://journal-neo.com/?q=ru/node/1875>.

³⁵ В сферах нефти и газа основная роль принадлежит трем госкорпорациям: Китайской национальной нефтяной корпорации — КННК (*CNPC*), Китайской нефтехимической корпорации — КНХК (*Sinopet*) и Китайской офшорной нефтяной корпорации — КНОНК (*CNOOC*).

³⁶ Ли Син, Айк Мартиросян, Чао Чжэнь. Значимость центральной части Евразии для энергетической безопасности Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2. С. 46.

³⁷ Там. же. С. 41.

³⁸ США за милитаризацию ...

³⁹ Региональная система безопасности на Каспии. Между *Caspian Guard* и *CASFOR*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nomos.com.ua/content/view/126/69/#17>.

⁴⁰ Суюмбаев М. Интеграция Центральной Азии: геополитические и геоэкономические факторы // Центральная Азия. 2008. № 4(16). С. 52.

⁴¹ Официальный сайт РИА Новости. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rian.ru/spravka/20080725/114918020.html>.

⁴² Лузянин С. Г. Энергетическая составляющая ШОС. Шанхайская организация сотрудничества: модель образца 2008 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/shanchayskaya_organisaciya_2008-3-28.htm.

⁴³ Волков А. Мировой финансовый кризис проверяет ШОС на прочность // Факты. 2009. Январь—февраль. № 1 (37).

ОСОБЕННОСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА БРАЗИЛИИ

В настоящее время для развития экономики и человеческого потенциала требуются достойный уровень удовлетворения энергетических потребностей и осознание глобальным сообществом острых проблем, с которыми сталкивается международный энергетический комплекс. Особой в этом контексте является роль Бразилии, которая располагает как огромным человеческим потенциалом, так и значительными природными и энергетическими ресурсами.

Энергетический комплекс Бразилии отличается большим разнообразием. С точки зрения экологии он полностью безопасен. На территории страны находится 2065 электростанций, большинство из которых — гидроэлектростанции. Именно они производят 75% национальной энергетической мощности. Кроме того, в Бразилии эффективно функционируют ветровые, солнечные, термоэлектрические и ядерные электростанции. В целом на данный момент генерирующая мощность страны составляет 103502 МВт, причем данный показатель за последние девять лет увеличился на 42%¹. Согласно прогнозам экспертов, в будущем энергетическая мощность Бразилии будет расти и дальше. Так, предполагается, что к 2013 г. объем поставляемой энергии в стране вырастет на 19% относительно уровня 2011 г.².

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в Бразилии цены на электричество устанавливаются на тендерной основе, а энергетический рынок регулируется Национальным агентством по электроэнергетике. Существующая инфраструктура обслуживает почти все население страны. Исключения составляют лишь труднодоступные регионы, где в силу сложившихся природных условий полноценный доступ к энергетическим услугам затруднен.

В современных условиях глобализации Бразилия играет огромную роль в построении системы международной энергетической безопасности, где основной задачей является согласование национальных интересов стран—экспортеров и импортеров нефти, газа и других ключевых

источников энергии, с одной стороны, и транзитных государств — с другой. Для того чтобы охарактеризовать и проанализировать место Бразилии в данном процессе, необходимо рассмотреть структуру энергетики страны, ее приоритеты в энергетической политике и перспективы устойчивого развития энергетического комплекса.

Важно отметить, что энергетический баланс современной Бразилии характеризуется активным развитием нефтяной промышленности. Открытие месторождения «Кампос» на континентальном шельфе в 70-е годы XX в. дало мощный толчок развитию нефтяной промышленности. На данный момент нефть по-прежнему добывается в основном на континентальном шельфе (около 90%), но одновременно с этим активно ведутся разработки новых месторождений, в особенности на глубоководных участках океанического дна³. Более того, по мере создания новейших технологий для увеличения добычи нефти правительство действующего президента Бразилии Дилмы Руссефф планирует в будущем начать строительство новых кораблей и платформ и возведение 24 дополнительных буровых установок⁴.

Принятие эффективных мер по стимулированию развития нефтяной промышленности — высокочеловеческое дело. Поэтому для реализации планов высшего руководства страны требуется привлечение большого объема прямых инвестиций. Одним из самых успешных стратегических инвесторов, осуществляющих капиталовложения в бразильский нефтяной сектор, науку и технологии, является компания *Petrobras* (*Petróleo Brasileiro S. A.*). К примеру, в 2010 г. она вложила 993 млн долл. в исследование новых месторождений нефти и их разработку, причем 276 млн долл. из этой суммы было потрачено на проекты университетов и исследовательских институтов, направленные на обучение, разработку и создание качественно новой нефтяной инфраструктуры⁵. Относительно показателей 2009 г. инвестиции компании *Petrobras* в 2011 г. выросли на 30%. В ближайшее время *Petrobras* планирует увеличить свои инвестиции в добычу бразильской нефти на 57% по сравнению с первоначальными планами. Также предполагается, что особое внимание будет уделяться добыче нефти в подсолевых слоях в области Лула⁶. В целом нефтяные месторождения в подсолевых слоях были обнаружены на территории Бразилии еще в 2007 г., что позволило компании *Petrobras* расширить партнерство с крупнейшими международными нефтяными компаниями, которые в свою очередь получили

поддержку от *Petrobras* и, как следствие, учредили собственные исследовательские центры в Бразилии.

Начиная с 2005 г. производство нефти в Бразилии практически полностью обеспечивает ее потребление. В 2006 г. впервые экспортные поставки превзошли импорт, а с 2008 г. отмечается тенденция к увеличению положительного сальдо нефтяного торгового баланса. В соответствии с международными экономическими статистическими данными Бразилия импортирует около 48,8% нефти из Нигерии, 17,5% — из Саудовской Аравии, 8,5% — из Ирака. При этом она самостоятельно осуществляет экспортные поставки в Латинскую Америку (37,5%, из которых 28,8% — в Сент-Люсию, а 5,4% — в Чили), США (26%), Европу (14,6%), Китай (14%) и Индию (7,3%)⁷.

Поскольку Бразилия производит нефти больше, чем потребляет, то экономика страны маловосприимчива к колебанию цен на этот вид топлива. Будучи мировым лидером в исследованиях по добыче нефти на глубоководных месторождениях, Бразилия готовится к стремительному росту производства нефти. Недавние исследования резервов сверхглубоких вод (7 тыс. м) подтверждают тот факт, что запасы бразильской нефти в ближайшие несколько лет могут удвоиться, что позволит стране войти в число крупнейших экспортеров этого вида энергоресурса. Вместе с тем согласно отчету, опубликованному Международным агентством по энергетике в 2009 г., Бразилия к 2030 г. станет как минимум шестым крупнейшим производителем нефти при объеме добычи 3,4 млн баррелей в сутки⁸. В таком случае опережать Бразилию будут только такие традиционные страны—экспортеры нефти, как Саудовская Аравия, Россия, Ирак, Иран и Канада.

Стоит отметить, что Бразилия занимает значимое положение в производстве природного газа. Его действительные запасы составляют 365 млрд куб. м, а ежегодное производство достигает 10,28 млрд куб м⁹. Что касается газовой промышленности, то следует подчеркнуть, что в настоящее время Бразилия потребляет в два раза больше, чем производит. Так, 98% природного газа она импортирует из Боливии. Угольная промышленность играет в энергообеспечении страны еще меньшую роль (5%). Хотя доля урана также очень невелика (1%), тем не менее его производство за последние десять лет увеличилось более чем в 30 раз¹⁰.

Немаловажен и тот факт, что сейчас в Бразилии действуют две атомные электростанции и ведется строительство третьей. Повышен-

ное внимание бразильского правительства к развитию ядерной энергетики наблюдается с начала 1950-х годов, когда федеральное правительство страны поставило под контроль государства экспорт ядерных минералов, разведку их резервов и стратегических запасов, а также предприняло первую попытку стимулировать развитие национальных технологий в этом секторе. Затем в 1956 г. была создана Национальная комиссия по ядерной энергии, которая в настоящее время отвечает за обеспечение мирного и безопасного использования ядерной энергии, а также определяет основные направления развития ядерной политики Бразилии¹¹. В 1975 г. впервые была запущена программа по развитию атомной энергетики¹².

В сумме ядерные электростанции *Angra 1* и *Angra 2* производят приблизительно 4% всей электроэнергии Бразилии. Ежегодно около 2,1 млн медицинских процедур в секторе здравоохранения выполняется с использованием радиоактивных веществ¹³. Кроме того, ядерные технологии широко применяются и в некоторых секторах промышленности, таких как, например, радиография и стерилизация материалов. Одновременно с этим достаточно распространенной в сельском хозяйстве является технология облучения пищевых продуктов, которая позволяет значительно увеличить срок хранения мяса и овощей и которая также реализуется с помощью атомной энергии.

Следует отметить, что, кроме Национальной комиссии по ядерной энергии, за ядерный сектор Бразилии несут ответственность еще три министерства: Министерство науки и технологий, Министерство природных ресурсов и энергии и Министерство обороны. В рамках совместных исследований Комиссии и этих трех министерств под руководством военно-морского флота в 2006 г. была разработана технология обогащения урана. На стадии строительства сейчас находятся электростанции, которые в скором времени будут осуществлять обогащение урана в промышленных масштабах. Ссылаясь на данные факты, некоторые эксперты полагают, что благодаря развитию новых технологий Бразилия уже в ближайшем будущем может стать независимым государством в области ядерной энергетики¹⁴.

Энергетическая система Бразилии разнообразна и экологична. Несмотря на то что государство активно использует в своей экономике традиционные виды энергоресурсов и атомную энергию, в его энергетическом балансе велика роль возобновляемых источников

энергии. Такая специфическая энергетическая система стала складываться в 70-х годах XX в. В 1970 г. (до начала мирового энергетического кризиса 1973—1974 гг.) Бразилия импортировала 80% нефти, а после — в 1974 г. — на фоне резкого повышения цен на нефть правительство начало рассматривать возможность внутреннего производства альтернативных источников энергии. По этой причине в 1975 г. было принято решение о строительстве совместно с Парагваем дамбы «Итайпу» и была разработана программа производства этанола из сахарного тростника¹⁵.

В настоящее время Бразилия обладает самыми современными и высокоточными в мире технологиями по созданию биологического топлива. Необходимо отметить, что в Бразилии производятся два основных вида жидкого биотоплива: этанол из сахарного тростника и биодизельное топливо, технология производства которого основывается на растительных маслах или животном жире. На практике биодизельное топливо практически не используется отдельно — его в различных пропорциях добавляют в нефтешизельное топливо. В свою очередь эффективное производство этанола обеспечивается прежде всего за счет низкой стоимости сырья, задействованного в производстве, и высокого уровня экологической безопасности самого производства¹⁶. Организация Объединенных Наций назвала бразильскую модель производства этанола из сахарного тростника примером для подражания. Согласно статистическим данным Бразилия является вторым крупнейшим в мире производителем этанола (после Соединенных Штатов Америки, где этанол производится из маиса) и первым в мире производителем этанола из сахарного тростника. За период с 2000 по 2007 г. экспорт бразильского этанола увеличился почти в пять раз¹⁷.

В целом в 2009 г. доля биотоплива в энергобалансе Бразилии составляла 18%¹⁸. в 2011 г. около 45% энергии и 18% топлива, потребляемого в стране, были возобновляемыми, в то время как в большинстве остальных стран мира 86% энергии поступало из невозобновляемых источников¹⁹. Необходимо констатировать тот факт, что Бразилия к 2012 г. достигла больших успехов в использовании возобновляемых источников энергии и добилась в этой области таких высоких показателей, к которым многие страны, в особенности те, которые находятся в поисках возобновляемых источников энергии в качестве альтернативы нефти или газа, только стремятся.

Биотопливо представляет огромный интерес для Бразилии главным образом с точки зрения энергетической безопасности, устойчивого

развития энергетического комплекса и энергетической независимости страны. Увеличивая объем внутреннего производства и потребления биотоплива, Бразилия снижает свою зависимость от импортируемых энергоресурсов, а также сводит к минимуму воздействие выбросов в атмосферу продуктов сгорания и образование в атмосфере высокой концентрации парниковых газов²⁰. Именно по этой причине через Бразильскую сеть технологий биодизельного топлива и Национальную лабораторию исследований биоэтанола и технологий Бразилия оказывает финансовую поддержку исследованиям по разработке возобновляемых источников энергии, а также чистых и эффективных энергетических технологий. Эти организации ведут работы по оптимизации процесса производства и обработки биотоплива и в целях достижения большей эффективности использования побочных продуктов, полученных при производстве биотоплива²¹.

Наряду с этанолом и биодизельным топливом Бразилия активно использует и другие источники возобновляемой энергии, прежде всего электричество (гидроэлектростанции) и водород. По данным 2010 г., Бразилия занимает третье место в пятерке ведущих стран—производителей гидроэнергии. Внутри страны деятельность по разработке новых технологий производства, передачи, распределения и конечного использования электричества в рамках Плана развития и инноваций осуществляет и контролирует Министерство науки и технологий²². Водородные разработки в Бразилии в свою очередь направлены преимущественно на нефтяной сектор и химическую промышленность. Министерство науки и технологий с 1999 г. рассматривает реформу применения этанола для производства водорода. Эта инициатива послужила стимулом для создания совместных международных исследовательских программ. Одним из примеров такой деятельности является сотрудничество между Бразильским центром по биотопливу и компанией *DDB Fuel Cell Engines GmbH*²³.

Увеличение доли возобновляемых источников энергии в Бразилии происходит благодаря успешному функционированию ряда нормативно-правовых актов, принятых Министерством добывающей промышленности и энергетики в ноябре 2007 г. и включающих в себя «Национальный план развития энергетики до 2030 года» («План 2030»), «Структуру национальной энергетики 2030» и десятилетние планы развития энергетического комплекса страны.

Самым важным и наиболее точно и полно характеризующим основные направления развития энергетики Бразилии из этих документов является «План 2030». Согласно ему правительство Бразилии обязано проводить активную энергетическую политику по таким вопросам, как развитие ветровой энергетики и биоэнергетики; увеличение добычи нефти на континентальном шельфе; повышение эффективности производства энергии и расширение спектра применения природного газа в отдельных промышленных секторах; экономия электроэнергии²⁴.

К современным проблемам развития бразильской энергетики внутреннего характера относятся недостаточно развитая инфраструктура, региональное неравенство, нехватка квалифицированной рабочей силы и капитала, технологическая отсталость, конфликты между разными уровнями власти²⁵. В «Плане 2030» обозначена необходимость решения данных проблем, причем особое внимание уделяется технологическому оснащению отрасли.

В соответствии с основными положениями Национального плана развития энергетики до 2030 г., прогнозами Министерства добывающей промышленности и энергетики и расчетами правительства Бразилии роль нефти в энергобалансе страны будет постепенно снижаться, но, несмотря на это обстоятельство, ей по-прежнему будет отводиться главное место. Ожидается, что в ближайшие десятилетия производство и потребление нефти и нефтепродуктов в стране вырастет. При этом эксперты полагают, что к 2020 г. экспорт нефтепродуктов достигнет уровня 270 тыс. баррелей в сутки, а в 2030 г. спрос на бразильскую нефть может превысить предложение, и одновременно с этим около 100 тыс. баррелей нефтепродуктов в сутки будет импортироваться. Данная динамика объясняется, с одной стороны, совокупным ростом потребления, а с другой — ограниченностью запасов бразильской нефти, которые в 2020 г. будут равняться приблизительно 19,5 трлн баррелей²⁶.

Рассматривая стратегию развития нефтяной отрасли Бразилии, важно отметить, что правительство страны планирует наращивать производство биодизельного топлива таким образом, что к 2030 г. его доля в потреблении нефтепродуктов возрастет до 12,3% по сравнению с 0% в 2005 г. Также к 2030 г. предполагается увеличить ежегодное производство этанола до 66 млн куб. м, потребление природного газа — до 24,7% и долю его промышленного использования — до 28,4%²⁷.

Мировой финансовый кризис 2008–2011 гг. доказал, что в условиях глобализации национальные экономики уязвимы. По этой причине

возникла острая необходимость пересмотреть различные модели национальной экономической безопасности и энергетической безопасности как ее составной части. К тому же в середине 2008 г. кризис повлек за собой резкое колебание цен на энергоресурсы в странах Латинской Америки, где скачок цен на энергетические товары в несколько раз превысил аналогичный показатель для сельскохозяйственного сырья и металлов. В свою очередь кризис 2008–2011 гг. оказал прямое влияние и на энергетический комплекс Бразилии. К отрицательным последствиям кризиса прежде всего относится уменьшение производства природного газа и этанола в 2009 г., что не предусматривалось «Планом 2030». Положительное последствие кризиса выражается в росте доли возобновляемых источников энергии, особенно за счет гидроэнергетики, а также в усилении роли нефтяной промышленности²⁸.

В настоящее время энергетический сектор Бразилии постепенно восстанавливается после замедления темпов его роста во время мирового финансового кризиса. В отличие от 2009 г., когда наблюдался спад производства практически всех видов энергоресурсов, 2010 и 2011 гг. характеризуются увеличением производства и потребления различных источников энергии. Например, темпы прироста производства биодизеля за первые десять месяцев 2010 г. по сравнению с аналогичными показателями по другим энергоресурсам составили рекордные 54,9%. Но при этом в биоэнергетике наблюдались и некоторые отрицательные тенденции, к которым главным образом относится снижение за десять месяцев 2010 г. объемов экспорта этанола на 48,3%²⁹. В целом, согласно статистическим данным, за последние два года доля возобновляемых источников энергии в энергетическом комплексе Бразилии снизилась, роль природного газа возросла, а предложение нефти осталось практически неизменным.

В заключение следует подчеркнуть, что, во-первых, на данный момент правительство Бразилии проводит активную, последовательную и успешную энергетическую политику, направленную на наращивание потенциала страны в этой сфере по различным направлениям. Во-вторых, энергетический комплекс Бразилии благодаря функционированию Национального плана развития энергетики до 2030 г. и десятилетним планам развития энергетического комплекса страны отличается наличием четких стратегических ориентиров. Кроме того, несмотря на тот факт, что мировой финансовый кризис 2008–2011 гг. оказал отрицательное влияние на развитие топливно-энергетического комплекса,

биоэнергетика по-прежнему остается одной из приоритетных отраслей, и можно ожидать, что в ближайшем будущем доля возобновляемых источников энергии в Бразилии возрастет. Наконец, учитывая увеличение производства нефти в стране, Бразилия скорее всего в скором времени будет играть все более значимую роль на мировых рынках энергоресурсов.

¹ Мельникова О. Энергетика Бразилии // Коммерсант. Приложение «Guide Бразилия». 2011. 19 декабря. № 74 (129).

² Там же.

³ Коваль А. Г. Современные проблемы и перспективы развития энергетики Бразилии // Латинская Америка. 2011. Август. № 8. С. 26.

⁴ Мельникова О. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Коваль А. Г. Указ. соч. С. 26.

⁸ Мельникова О. Указ. соч.

⁹ Там же.

¹⁰ Коваль А. Г. Указ. соч. С. 26.

¹¹ Мельникова О. Указ. соч.

¹² Коваль А. Г. Указ. соч. С. 25.

¹³ Мельникова О. Указ. соч.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Коваль А. Г. Указ. соч. С. 27.

¹⁶ La Rovere E., Pereira A., Simoes A. Biofuels and Sustainable Energy Development in Brazil // World Development. 2011. Vol. 39. No 6. P. 1027.

¹⁷ Коваль А. Г. Указ. соч. С. 27.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Мельникова О. Указ. соч.

²⁰ Wilkinson J., Herrera S. Biofuels in Brazil: Debates and Impacts // Journal of Peasant Studies. 2010. 37:4. P. 753.

²¹ Мельникова О. Указ. соч.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Коваль А. Г. Указ. соч. С. 28.

²⁵ La Rovere E., Pereira A., Simoes A. Op. cit. P. 1032.

²⁶ Коваль А. Г. Указ. соч. С. 29.

²⁷ Там же.

²⁸ Коваль А. Г. Указ. соч. С. 32.

²⁹ Там же.

Об авторах

Бирюков Алексей Леонидович — доктор технических наук, профессор, заведующий Кафедрой «Защита в чрезвычайных ситуациях» Московского государственного университета природообустройства

Красногорский Владимир Михайлович — аспирант Кафедры международных проблем топливно-энергетического комплекса МИЭП МГИМО (У) МИД России

Криворотов Андрей Константинович — кандидат экономических наук, специалист по проблемам российского ТЭК и полярных районов, начальник департамента компании «Штокман Девелопмент АГ», член Экспертного совета Российско-норвежского научно-образовательного консорциума в области международного энергетического бизнеса (НАРЕК)

Савостова Татьяна Леонидовна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего Кафедрой государственного управления и права МГИМО (У) МИД России

Семенова Нелли Кимовна — научный сотрудник Центра энергетических и транспортных исследований, Институт востоковедения РАН

Сидорова Елена Александровна — стажер-исследователь ЦКЕМИ НИУ ВШЭ

Тимофеев Олег Анатольевич — кандидат исторических наук, заместитель декана факультета международных отношений, доцент кафедры китаеведения, старший научный сотрудник Центра геополитических исследований Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Научное издание

Материалы VII Конвента РАМИ

**МИРОВАЯ ЭНЕРГЕТИКА:
воздействие кризиса**

28–29 сентября 2012 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 5,0.

Тираж 500 экз. Заказ № ____

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76



РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже пятнадцати лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также представители экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных контактов между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО (У) МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет, в его состав входят 29 директоров исследовательских программ.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 28–29 сентября 2012 года в МГИМО (У) МИД России состоялся седьмой по счету Конвент РАМИ на тему «Внешнеполитические ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста». В рамках Конвента проведены два пленарных заседания, 23 секции, 3 круглых стола, заседание Клуба послов государств-соседей России, а также ряд выставок и презентаций организаций—партнеров РАМИ.

Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63

www.risa.ru | risa@inno.mgimo.ru



РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Состав Руководящего совета Российской ассоциации
международных исследований**

Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин

Владислав Леонидович Иноземцев

Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин

Алексей Анатольевич Громыко

Андрей Павлович Клемешев

Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина

Виктор Александрович Кременюк

Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский

Ирина Доновна Звягельская

**Программа мирополитических исследований и изучения
деятельности негосударственных акторов**

Марина Михайловна Лебедева

Павел Афанасьевич Цыганков

**Программа исследований в области теории международных
отношений и сравнительной политологии**

Татьяна Александровна Алексеева

Андрей Юрьевич Мельвиль

Программа исследований истории международных отношений

Ефим Иосифович Пивовар
Михаил Матвеевич Наринский

Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами

Андрей Вадимович Картунов
Виктор Анатольевич Кокшаров

Программа азиатско-тихоокеанских исследований

Алексей Дмитриевич Воскресенский
Сергей Геннадьевич Лузянин

Программа ближневосточных исследований

Виталий Вячеславович Наумкин
Олег Алексеевич Колобов

Программа энергетических исследований

Нодари Александрович Симония
Валерий Иванович Салыгин

Программа исследований в сфере международной политической экономики

Светлана Павловна Глинкина
Николай Петрович Шмелев

Программа международно-правовых исследований

Геннадий Петрович Толстопятенко
Александр Николаевич Вылегжанин
Дмитрий Владимирович Иванов

Программа цивилизационно-культурных исследований

Алексей Викторович Шестопал
Галина Мирославовна Лесная

Исполнительный директор РАМИ

Артем Владимирович Мальгин

Ответственный секретарь РАМИ

Марина Сергеевна Василевская